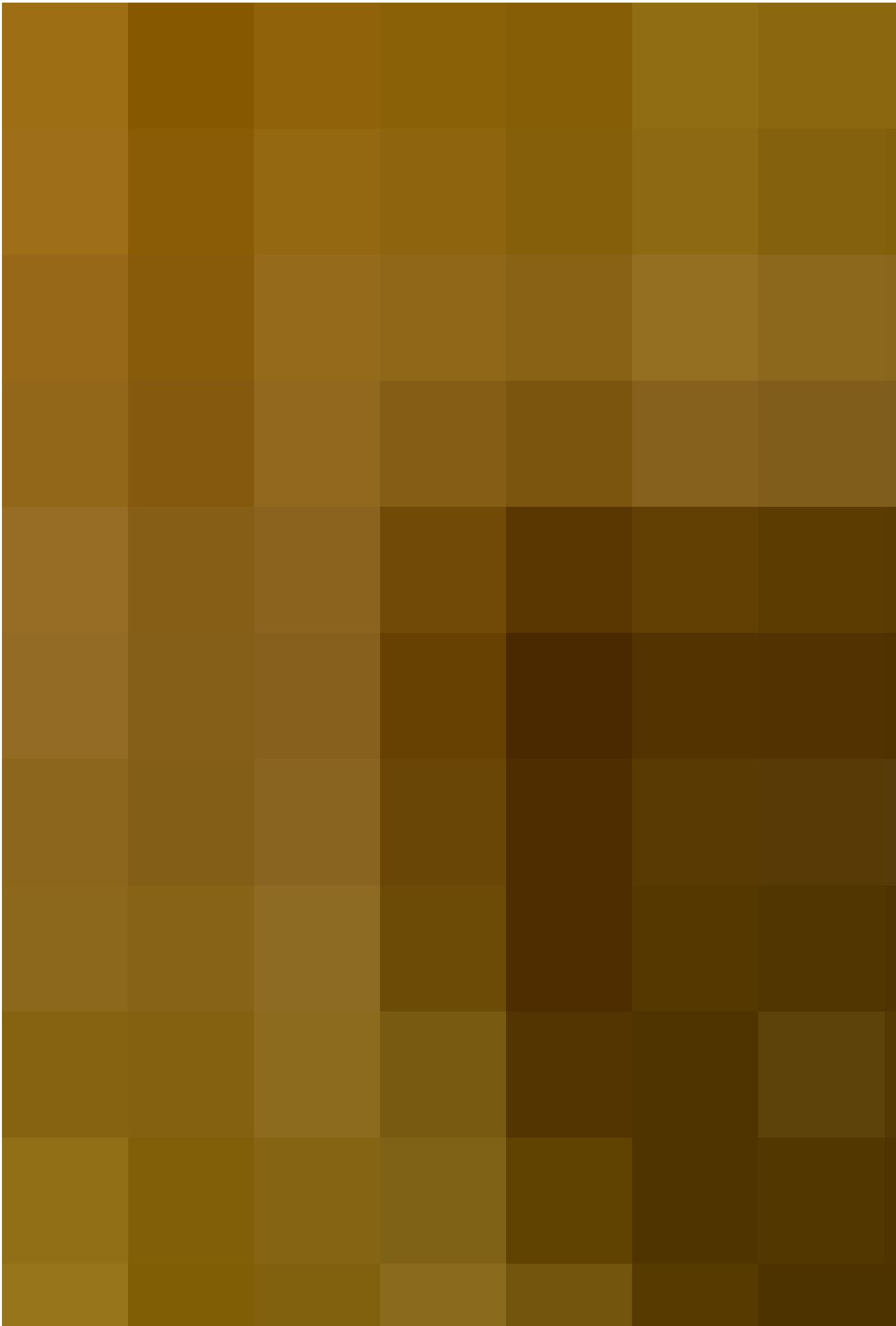

Марк Твен

Янки при дворе короля Артура

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8509670

Аннотация

Что будет, если предприимчивый американец из XIX века попадет волею случая в темное и загадочное средневековье – в легендарный Камелот, во времена рыцарей Круглого Стола, волшебника Мерлина и знаменитого короля Артура? Со своими знаниями и смекалкой он неизбежно станет легендарной личностью и прослывет могучим волшебником и сильным правителем, стремясь воплотить в жизнь все изобретения и общественный строй своего времени.

«Янки при дворе короля Артура» – один из самых известных приключенческих романов Марка Твена и один из первых романов, повествующих о путешествии во времени. Марк Твен создал этот роман, проявив свое легендарное и неподражаемое чувство юмора и талант повествователя, сделавший его бессмертным.

Роман представлен в уникальном классическом переводе Екатерины Николаевны Нелидовой – самом первом переводе на русский язык, сделавшем роман столь любимым для российского читателя.

Данное издание дополнено также прекрасными иллюстрациями, которые превратят чтение в истинное удовольствие.

Содержание

I. Несколько объяснений	5
II. Двор короля Артура	11
III. Рыцари Круглого Стола	16
IV. Сэр Динадан Шутник	20
V. Вдохновение	22
VI. Затмение	27
VII. Башня Мерлина	33
VIII. Турнир	39
IX. Начало цивилизации	44
X. Янки в поисках за приключениями	48
XI. Медленная пытка	53
XII. Свободные люди	56
XIII. «Защищайся, лорд!»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марк Твэн

Янки при дворе короля Артура

Грубые законы и обычаи, описанные в этом романе, исторически верны, и эпизоды, иллюстрирующие их, тоже взяты из истории. Может быть, на самом деле все было иначе в Англии в шестом веке. Но во всяком случае известно, что так жили в Англии и в других цивилизованных странах в гораздо позднейшие времена, так что предположение подобной жизни в шестом веке не будет пасквилем на него. Утверждать с достоверностью можно только то, что, если бы не было того или другого закона в те отдаленные времена, вместо него было бы что-нибудь худшее.

Марк Твэн

I. Несколько объяснений

Со странным человеком, о котором я намерен рассказать, я встретился в Уорвикском замке. Он привлекал меня тремя незаменимыми качествами: своей чистосердечной простотой, удивительным знанием старинного оружия и, наконец, тем, что все время вел сам разговор, так что его общество не было совершенно утомительно. Мы разговорились, и я услышал от него много чрезвычайно интересных вещей. Когда он говорил плавно, красноречиво, изысканно, мне казалось, что я переносусь из нынешнего мира и века в отдаленную эру и давно позабытые страны. Постепенно он окутывал меня сетью очарования, и я видел вокруг себя призраки и тени сквозь пыль и плесень седой старины, разговаривая с живым остатком ее. Совершенно так же, как я говорил бы о своих близких друзьях и личных врагах или о наиболее знакомых соседях, рассказывал он о сэре Бедивере, сэре Бор де-Ганисе, сэре Лаунселоте дю-Лак, сэре Галахаде и о всех великих участниках Круглого Стола. И каким старым, морщинистым, сухим и затхлым становился он, когда углублялся в рассказы! Раз он спросил, между прочим, равнодушным тоном, как спрашивают о погоде:

– Знаете ли вы что-нибудь о переселении душ, о переходе эпох и тел?

Я сказал, что ничего не слыхал об этом. Он, по-видимому, даже не обратил внимания, ответил ли я на вопрос. Наступила минута молчания, неожиданно прерванная монотонным голосом наемного проводника:

– Старинные латы, помеченные шестым столетием – эпоха короля Артура и Круглого стола. Говорят, что латы принадлежали рыцарю сэру Саграмору ле-Дезирусу. Обратите внимание на круглое отверстие в левой стороне. Происхождение неизвестно. Предполагают – сделано пулей, когда было уже изобретено огнестрельное оружие, может быть, злонамеренно Кромвельскими солдатами.

Мой знакомый улыбнулся, но не нашей нынешней улыбкой, а так, как улыбалось, вероятно, много, много лет назад. Затем он пробормотал как бы про себя:

– Рассказывайте! Я видел, как оно было сделано. – И прибавил после некоторого молчания: – Я сам сделал его.

Прежде, чем я успел опомниться от поразившего меня заявления, он уже ушел.

Весь этот вечер сидел я у камина с Уорвикским гербом, погруженный в грезы старых времен под стук дождя в стекла и вой ветра в трубе. От времени до времени я брался за восхитительную книгу старого сэра Томаса Малори, наслаждался необыкновенными чудесами и приключениями, вдыхая ароматы старинных имен, и снова погружался в грезы. Среди ночи, растянувшись на постели, я прочел на сон грядущий одно интересное сказание, которое привожу здесь.

Как сэра Лаунселот убил двух великанов и освободил замок

Пришли к нему однажды два страшных великана, вооруженных с ног до головы и с громадными дубинами в руках. Сэр Лаунселот закрылся щитом от них и страшным ударом отсек голову одному из великанов. Другой великан, увидав это, побежал со страху, как сумасшедший. Рыцарь изо всех сил погнался за ним, ударил его по плечу и разрубил пополам. После этого он пошел в замок, где его встретили шестьдесят прекрасных дам и девиц. Все они встали перед ним на колени и благодарили Бога и его за избавление. «Сэр, – говорили они, – мы семь лет были в плену у великанов, которые заставляли нас работать на них и отдавать им все наши вышивания шелками, а, между тем, мы все высокого происхождения. Да будет же благословенна минута, в которую ты родился, благородный рыцарь. Скажи нам

твое имя, чтобы мы могли сообщить его нашим родным и друзьям, и все мы будем прославлять нашего избавителя». «Прекрасные дамы, ответил он, – мое имя сэра Лаунселот дю-Лакъ». После этого он уехал от них и оставил их на волю Божию. И вот он скакал на своем коне по разным странам и побывал за разными реками и морями и уничтожил много всякого зла. Однажды ночью случилось ему приехать к красивому дому, где он нашел старую благородную женщину, которая любезно приняла его и хорошо накормила его и его коня. После ужина она проводила его наверх в прекрасную комнату, где он мог заснуть. Сняв вооружение и положив его возле себя, сэра Лаунселот лег в постель и тотчас же заснул. Вскоре кто-то подъехал на коне к воротам и начал стучаться в них. Сэра Лаунселот проснулся, подошел к окну и увидел при свете луны троих рыцарей, гнавшихся за человеком. Все трое бросились с мечами на одного, а он упорно защищался. «Этому рыцарю я должен помочь, – сказал сэра Лаунселот, стыдно мне смотреть, как трое нападают на одного. И, если он будет убит, я буду вместе с ними виноват в его смерти». С этими словами он вооружился и спустился на простыне из окна, к четверем рыцарям. «Повернитесь ко мне, рыцари, – сказал он, – и оставьте борьбу с вашим противником». Тогда они оставили этого человека, по имени Кей, устремились на сэра Лаунселота, окружили его и завязалась страшная битва. Сэра Кей хотел помочь сэру Лаунселоту. «Нет, сэра, – сказал тот, – мне не нужна ваша помощь, а если вы хотите, чтобы я вам помог, оставьте меня одного сражаться с ними». Сэра Кей должен был исполнить волю рыцаря и стоял в стороне. После шести ударов сэра Лаунселот поверг всех противников на землю. Тогда они все вскричали: «Благородный рыцарь, мы сдаемся вам, как человеку несравненной силы». «Я не требую, чтобы вы сдавались мне, – сказал сэра Лаунселот, но сдайтесь сэру Кею сенешалу, только с этим условием я пощажу вашу жизнь». «Благородный рыцарь, – возразили они, – это нам не годится делать, мы загнали сюда сэра Кея и победили бы его, если бы ты не помог ему, следовательно, сдаваться ему нам нет причины». «Подумайте хорошенько, – сказал сэра Лаунселот, – от вашего решения будет зависеть ваша жизнь или смерть, сдайтесь лучше сэру Кею». «Благородный рыцарь, – сказали тогда они, – мы должны тебе повиноваться, чтобы пасти жизнь». «Тогда, – сказал сэра Лаунселот, – в Троицын день поезжайте к двору короля Артура и подчинитесь королеве Гунивере, положитесь все трое на ее милосердие и скажите, что сэра Кей посылает вас к ней пленниками».

Рано утром поднялся сэра Лаунселот, когда сэра Кей еще спал. Тогда сэра Лаунселот взял вооружение и щит сэра Кея и надел на себя, затем пошел в конюшню и взял коня сэра Кея, а своего оставил ему. Простившись с хозяйкой, он отправился в путь. Вскоре проснулся сэра Кей и хватился сэра Лаунселота, затем увидел его вооружение и его коня. «Теперь клянусь моей верой, я знаю, что он огорчит кого-нибудь при дворе короля Артура, потому что рыцари будут с ним смелы, думая, что это я, и обманутся. А я в его вооружении могу ехать совершенно безопасно». И сэра Кей поблагодарил хозяйку и отправился в путь.

Только что я отложил книгу в сторону, послышался стук в дверь, и вошел мой новый знакомый. Я с удовольствием приветствовал его и предложил ему трубку и стул. Кроме того, я угостил его горячей шотландской виски, и ждал интересного рассказа. После четвертого глотка виски он спокойно начал рассказывать.

История незнакомца

Я американец. Родился я и воспитывался в Гартфорде, в штате Коннектикуте, там за рекою. Так что я янки из янки и весьма практичен. Да, и ничего не смыслю в разных там чувствах или, другими словами, в поэзии. Мой отец был кузнец, дядя лошадиный доктор, а я был и тем и другим сначала. Но потом я поступил на большой оружейный завод и сделался хорошим мастером. Я скоро умел делать ружья, револьверы, пушки, паровики, котлы и всевозможные земледельческие машины. Словом, делал все, за что бы ни взялся. Если

не существовало нового скорейшего способа делать вещь, я сам изобретал его, и все шло у меня, как по маслу. Вскоре я был назначен главным надзирателем и получил под начало две тысячи людей.

Ну, такой человек готов на все и не будет зря разговаривать. Когда должен управлять двумя тысячами грубых людей, так не до нежностей. И со мной всяко бывало. Наконец нашла коса на камень, и мне пришлось поплатиться.

Произошло это во время ссоры с одним парнем, которого мы называли обыкновенно Геркулесом. Он так вытянул меня ломом по голове, что мне показалось, как будто мой череп треснул по всем суставам. В глазах у меня потемнело и некоторое время я ничего не чувствовал и не сознавал... Очнувшись, я увидел, что сижу под дубом на траве, в какой-то прекрасной, но незнакомой местности. Надо мной наклонился какой-то странный человек, как будто сейчас сорвавшийся с картинки. С головы до ног он был закован в старинные железные латы и шлем в виде бочонка с гвоздями. В руках у него был щит и громадное копье, сбоку висел меч. Лошадь его тоже была одета в броню, стальной рог висел на ее шее, а красивая сбруя из красного и зеленого шелка спускалась почти до земли.

— Прекрасный сэр, не желаете ли вы вступить в бой? — спросил меня человек.

— Не желаю ли чего?

— Не желаете ли помериться оружием за страну или даму сердца или за...

— Что вам от меня нужно? — спросил я. — Ступайте в ваш цирк, или я буду жаловаться.

Тогда человек проделал что-то необыкновенное: он отскочил сотни на две ярдов, пригнул свой бочонок к шее лошади, поднял свое длинное копье над головой и ринулся на меня, точно хотел стереть с лица земли. Я увидел, что шутки плохи и вскочил на ноги, когда он приблизился.

Затем он заявил, что я его собственность, пленник его копья. Так как палка была прекрасным аргументом с его стороны, то я решил лучше уж подчиниться. Таким образом, мы заключили условие, что я пойду за ним, и он не будет мне вредить. Он поехал шагом по дороге, а я пошел рядом с лошастью. Наш путь шел по каким-то аллеям, через какие-то ручьи, по совершенно незнакомой для меня местности, и не встречалось ничего похожего на цирк. Тогда я начал думать, что мой победитель не из цирка, а из дома умалишенных. Но и такого не было видно. Так ведь не пень же я, в самом деле, чтобы все время молчать! Я спросил своего спутника, далеко ли мы от Гартфорда. Он ответил, что никогда не слышал о таком месте. Хотя я и был уверен, что он лжет, но продолжал идти, ничего не возражая. Приблизительно через час я увидел какой-то город, дремлющий в долине на берегу извилистой реки. Впереди на холме стояла большая серая крепость с башнями и башенками, какие я видал только на картинках.

— Бриджпорт? — спросил я, указывая на него.

— Камелот, — ответил он.

Моего знакомого видимо клонило ко сну.

Он тряхнул головой и улыбнулся своей патетической устарелой улыбкой.

— Я, кажется, не могу продолжать, — сказал он. Но у меня все это написано, пойдемте со мной, и я дам вам, если хотите.

Воплощением изумления и любопытства, смешанного с испугом. Так она стояла, как каменное изваяние, пока мы не завернули за лес и не скрылись из виду. Мне было лестно и, вместе с тем, удивительно, что она смотрела на меня, а не на моего спутника. Уделяя

мне так много внимания, она скромно забывала собственные достоинства – великодушие, удивительное в таком юном существе. Да, было о чем подумать здесь. Я шел, как во сне.

По мере того, как мы приближались к городу, начали проявляться признаки жизни. На пути стали попадаться маленькие жалкие хижины с соломенными крышами и небольшими полями и садами вокруг. Около них были люди, загорелые, с длинными растрепанными волосами, которые свисали им на лицо и делали их похожими на животных. Как мужчины, так и женщины были одеты в грубые холщевые рубашки до колен, на ногах они носили что-то вроде грубых сандалий, на шее у многих были железные ошейники. Маленькие мальчики и девочки бегали совсем нагие, но никто, казалось, не замечал этого. Все эти люди смотрели на меня, толковали обо мне и убегали в хижины, чтобы привести оттуда своих семейных и показать им меня. И в то же время никто не делал замечаний относительно моего спутника, наоборот, почтительно кланялись ему и не требовали объяснения его поступка.

Среди маленьких жалких хижин там и сям возвышались большие каменные дома без окон. Улицы были не мощенные и тянулись в виде узких кривых аллей. Стаи собак и голые ребятишки шумно и весело играли на солнце. Свиньи рылись в кучах навоза, а одна из них лежала на дымящемся навозе, среди главного проезда, и кормила своих поросят. Послышались звуки военной музыки. Постепенно приближались они, и скоро показалась великолепная кавалькада, блистающая шлемами с развевающимися перьями, металлическими кольчугами, колыхающимися знаменами и целым лесом золоченых пик. Торжественно проследовала она среди навоза и свиней, среди беснующихся собак и голых ребятишек, мимо жалких хижин. Мы последовали за нею по одной извилистой аллее, затем по другой, и так поднимались все выше и выше, пока, наконец, пришли к открытой со всех сторон площади, где стоял громадный замок.

Последовал обменный звук рогов; затем послышался окрик со стены, по которой ходили взад и вперед вооруженные люди сурового вида в латах и касках с алебардами за плечами, под развевающимися знаменами с грубым изображением дракона. Затем распахнулись громадные ворота, опустился подъемный мост, и предводитель кавалькады проехал

первый под грозной аркой. Следуя за всеми, мы очутились на обширном мощеном дворе с башнями и башенками со всех четырех сторон, поднимающимися к голубому небу. Все вокруг нас пришло в движение, все стали обмениваться церемонными приветствиями, все забегали туда и сюда; кругом пестрели и перемешивались яркие цвета, слышался приятный смешанный гул голосов.

II. Двор короля Артура

Случайно мне удалось улучшить минутку и ускользнуть в сторону от своего спутника. Я подошел к одному старику, по-видимому, из простого звания, ударил его по плечу и спросил тихим и просительным тоном:

– Скажите мне, пожалуйста, мой друг, что вы тоже помещаетесь в этом доме или пришли навестить кого-нибудь, или по какому-нибудь другому делу?

Тот взглянул на меня с величайшим недоумением.

– Право, благородный господин, мне кажется...

– Понимаю, перебил я его, вы тоже из больных. Я отошел, продолжая размышлять и осматривая в то же время всех проходящих, не найдется ли хотя кого-нибудь, кто помог бы мне разобраться в этом странном приключении. Мне показалось, наконец, что я нашел подходящего. Я отвел его в сторону и прошептал ему на ухо:

– Не могу ли я повидаться на минутку с главным смотрителем... только на одну минуту...

– Послушай,пусти меня, пожалуйста.

– Пустить вас?

– Ну, не мешай мне, если это слово для тебя понятнее...

Затем он объяснил, что состоит в поварах, потому не имеет времени для болтовни, хотя вообще не прочь бы поболтать. Особенно ему любопытно было бы узнать, откуда я взял такую странную одежду. Оглянувшись кругом, он указал мне на человека, которому нечего делать, который, кажется, сам желает со мной поговорить. Это был тоненький воздушный мальчик в узких красных панталонах, которые делали его похожим на раздвоенную морковь. Верхняя часть его костюмы была из голубого шелка с изящным воротником и такими же манжетами. На его длинных желтых локонах была кокетливо надета розовая шелковая шапочка с пером. По лицу было видно, что он добр, а из веселого настроения можно было заключить, что он доволен собой.

Он был так красив, что хоть сейчас в рамку. Подойдя ко мне, он улыбнулся и осмотрел меня с беззастенчивым любопытством. Затем он отрекомендовался мне и сказал, что он паж.

– Какой там паж, – сказал я, – строка вы, а не паж! ¹

Это было очень грубо, но я был раздражен. Однако он нисколько не изменился и не подал даже виду, что обиделся. Затем он начал болтать весело, счастливо, по-детски, как будто мы были старинными друзьями. Он забрасывал меня вопросами обо мне и об моей одежде, не дожидаясь ответов и перескакивая с предмета на предмет. Между прочим он упомянул, что родился в начале 513 го года.

Холодные мурашки забегали по моему телу. Я остановил его и спросил с робостью:

– Может быть, я не дослышал. Повторите, пожалуйста медленнее и отчетливее. В каком году, вы сказали, родились?

– 513.

– 513! Не понимаю! Послушайте, милый мой мальчик, я иностранец и никого здесь не знаю, будьте честны и великодушны со мной. Скажите, вы в своем уме?

Он ответил утвердительно.

– И все эти люди тоже здоровы?

Опять утвердительный ответ.

– Так значит, я помешанный, или со мной случилось что-нибудь особенное. Если это не дом для умалишенных, то скажите же мне правдиво и откровенно, куда я попал?

¹ Игра слов: раде – паж и раде – страница.

– Во дворец короля Артура.

Я подождал с минуту, чтобы освоиться с новой мыслью и затем сказал:

– И какой же теперь год по-вашему?

– 528, девятнадцатое июня.

Сердце мое горестно сжалось, и я повторял с отчаянием:

– Я никогда больше не увижу моих друзей, никогда, никогда! Они родятся на свет только через тринадцать столетий.

Я, кажется, поверил мальчику и сам не знал почему. Что-то во мне верило ему, мое сознание, если хотите, но мой разум отказался понимать. Мой разум громко протестовал, и это было вполне естественно. Я не знал, как примириться с обстоятельствами, с людьми, которых я видел. Мой разум считал их помешанными вопреки очевидности. Совершенно неожиданно и случайно я вспомнил одно обстоятельство. Я знал, что единственное крупное затмение солнца в первой половине шестого столетия было 21-го июня 528 г. и началось через три минуты после полудня. Итак, если у меня хватит сил выдержать сорок восемь часов, я буду иметь случай убедиться в справедливости или ложности уверений мальчика.

Как бы то ни было, будучи практичным коннектикутцем, я отложил решение интересовавшего меня вопроса до указанного дня и часа, а пока принять обстоятельства, как они были, чтобы лучше осмотреться и извлечь наибольшую выгоду из моего положения. Я рассуждал таким образом: если теперь девятнадцатое столетие, и я нахожусь в убежище больных, откуда до поры до времени мне не удастся выбраться, я могу встать во главе учреждения, как самый сознательный из всех обитателей. Если же, с другой стороны, теперь, действительно, шестое столетие, я могу согласиться на более скромные условия: месяца через три я могу управлять всей страной, как наиболее образованный человек, родившийся на 1300 лет позднее всех существующих в настоящее время людей. Во всяком случае, я не из тех, которые теряют зря время; раз я обдумал, я начинаю действовать.

– Вот что, милый Кларенс, если действительно таково ваше имя, – обратился я к мальчику, не можете ли вы дать мне некоторые сведения? Как, например, зовут того человека, который меня сюда привел?

– Моего и твоего господина? Это благородный рыцарь и великий лорд сэр Кэй, сеньшал, молочный брат нашего властелина короля.

– Очень хорошо. Теперь расскажите мне обо всех других и обо всем, что здесь делается.

Он рассказывал мне очень много, но самое важное было следующее. По его словам я был пленник сэра Кэя и, по существующим обычаям, я буду брошен в подземную темницу на хлеб и воду до тех пор, пока мои друзья не внесут за меня выкуп, или пока я не сгнию. Я знал, что последнее вероятнее, но задумываться было некогда, каждая минута была дорога. Далее паж сообщил, что в настоящее время кончается обед в большой зале. Когда все достаточно опьянеют и развеселятся, сэр Кэй прикажет привести меня, чтобы представить королю Артуру и великолепным рыцарям, сидящим за Круглым Столом. Затем сэр Кэй будет рассказывать о том, как он захватил меня в плен и, вероятно, будет преувеличивать и искажать факты. Но, конечно, будет неприлично и небезопасно с моей стороны поправлять его. А после представления меня отправят все-таки в подземелье. Но Кларенс обещался найти возможность пробраться ко мне, утешить меня и постараться дать знать моим друзьям.

Дать знать моим друзьям! Я поблагодарил его. Что другое оставалось мне делать? В это время пришел слуга и позвал меня в залу. Кларенс привел меня, поставил в сторону и сам сел тут же.

Прелюбопытное и интересное это было зрелище. Помещение было громадное, с голыми стенами и полно самых удивительных контрастов. Оно было прямо величественно по размерам, так что флаги, висевшие на балках и перекладинах сводчатого потолка, терялись в высоте и полумраке. Со всех сторонверху были устроены каменные галереи; на одних помещались музыканты, на других женщины в ярких нарядах, самых кричащих цветов. Пол был выложен толстыми каменными плитами, белыми и черными, стертыми от времени и употребления и требующими починки. Что касается украшений, то, строго говоря, их не было, хотя на стенах висели громадные ковры, которые, вероятно, считались произведениями искусства. На них были изображены битвы, причем лошади походили на пряничных или на тех, что вырезают дети из бумаги. Вооружение воинов изображалось в виде белых пятен, так что люди походили в конце концов на бисквитные пироги. Очаг в зале был настолько велик, что в нем можно было сражаться. Его выступающие навес и бока из каменных столбов напоминали вход в кафедральный собор. Вдоль стен стояли воины в нагрудни-

ках и касках, с единственным оружием – алебардами на плечах, неподвижные, как статуи и очень похожие на них.

Посреди этого крестообразного четырехугольника со сводами помещался дубовый стол, который и назывался Круглым Столом. Он был велик, как арена в цирке. Вокруг него сидели люди, одетые в такие пестрые и блестящие костюмы, что рябило в глазах. Все они были в шляпах с перьями, которые снимали только, когда начинали разговаривать с королем.

Большинство из них пило из цельных рогов, но некоторые доедали еще хлеб или догладывали кости жаркого. Собак здесь было столько, что приходилось приблизительно по две на каждого человека. Они сидели и ждали бросаемых им костей, за которыми бросались все сразу. Конечно, поднималась драка, сопровождаемая лаем, рычанием и вообще таким шумом, что не было возможности продолжать разговора. Но никто не выражал ни малейшего неудовольствия, наоборот, все переставали разговаривать и с необычайным интересом следили за дракой собак. Все поднимались с мест, чтобы лучше видеть, дамы и музыканты перевешивались для этой же цели через балюстрады. Но временами раздавались крики ликования и одобрения. Наконец, одержавшая верх собака с комфортом располагалась на полу и, все еще ворча, грызла отвоеванную кость и вместе с ней пол, что делали и другие, получившая кости раньше. За столом возобновлялась прерванная беседа.

В общем разговор и обращение этих людей было любезно и деликатно. Я заметил, что они внимательно и серьезно слушали говоривших – конечно, в промежутки между драками собак. Но, к сожалению, у них была одинаковая участь с детьми – они лгали с удивительным мастерством и с удивительной неловкостью и с большой охотой слушали чужую ложь и вполне верили ей. Было бы несправедливо назвать их жестокими или кровожадными и вместе с тем, они рассказывали о невероятно кровавых поступках и страданиях с таким неподдельным удовольствием, что даже я забывал содрогаться.

Я не был единственным пленником здесь. Кроме меня было еще больше двадцати человек. Несчастные! Многие из них были страшно искалечены, изрублены, изранены. На их волосах, лицах и платье всюду виднелись черные пятна запекшейся крови. Они, конечно, испытывали ужасные физические страдания, без сомнения, были страшно утомлены, голодны и хотели пить. И никто не чувствовал к ним сожаления, никто не заботился о них, никто не подумал обмыть их раны и дать им хотя какое-нибудь облегчение. И никто не слышал от них ни единой жалобы, ни единого стоны, не было заметно никаких признаков страдания. Невольная жестокая мысль напрашивалась и мне: «Ага, каналы, вы поступали также с вашими пленниками, теперь пришел ваш черед. Вы не можете ожидать лучшего обращения. Но ваша философская твердость и стойкость не есть следствие умственной и душевной силы, она не что иное, как твердость и невосприимчивость животных. Вы белые индейцы».

III. Рыцари Круглого Стола

За Круглым Столом большею частью не разговаривали, а произносили монологи – повествовательные отчеты о том, как эти пленники были взяты, а их друзья и захребетники были убиты или лишены коней и оружия. В сущности, из всего, что они рассказывали, можно было вывести заключение, что все эти убийства и кровавые стычки вовсе не предпринимались с целью отмщения за обиду, или сведения старинных счетов, или отражения внезапного нападения. В общем это были простые дуэли между совершенно незнакомыми людьми, которые никогда друг друга не видали, и у которых не было никакого повода к оскорблению. Когда-то мне доводилось видеть мальчиков, незнакомых между собою, которые, встретившись, говорили одновременно: «Я могу тебя побороть», и тут же вступали в драку. Но до сих пор я был уверен, что такого рода вещи могут происходить только между детьми. А здесь так ни с того ни с сего налетали друг на друга громадные парни, вполне взрослые. И все-таки было что-то привлекательное и милое в этих громадных простосердечных созданиях. Не много, кажется, понадобилось бы мозгов в детстве, чтобы поймать удочкой рыбу, но вы скоро заметили бы, что в этом обществе не нужно и таких мозгов, что они только повредили бы, нарушили бы симметрию – может быть сделали бы невозможным самое существование такого общества.

Красивое мужественное выражение было почти в каждом лице, а на некоторых кроме того лежал отпечаток величия и кротости, перед которыми смирялось желание критики и осуждения. Особенно много благородства и великодушия отражалось в чертах и манерах того, кого называли Галахадом, а также и во всей мужественной фигуре самого короля; такого же благородного величия была полна гигантская фигура высокородного сэра Лаунселота дю-Лак.

Произошедшее после обеда, обратило всеобщее внимание на вышеназванного сэра Лаунселота. По знаку кого-то вроде церемониймейстера шесть или восемь пленников поднялись и вышли вперед. Преклонив колена и подняв руки по направлению к галерее, где сидели дамы, они просили великой милости – слова к королеве. Одна из дам в цветнике, занимающая, по всем видимостям, наиболее высокое положение, изящно кивнула головой в знак согласия. Тогда представитель от пленников предал себя и своих товарищей в ее руки для полного прощения, возможности выкупа, заключения в темницу, или смерти – по ее выбору. Делается это, как он заявил, по приказанию сэра Кэя сенешала, пленниками которого они состоят и который победил их в битве, благодаря своей исключительной силе, храбрости и твердости.

Выражение изумления и недоумения показалось на всех лицах сидящих за столом людей. Милостивая улыбка королевы сменилась выражением разочарования, когда она услышала имя сэра Кэя, а паж шепнул мне на ухо с выражением язвительнейшей насмешки:

– Сэр Кэй, действительно! О, назови меня бараном, дорогой мой, назови, как угодно, но, может быть, только еще через две тысячи лет народится человек, способный так великолепно лгать!

Все взоры были прикованы с выражением строгого вопроса к сэру Кэю. Но он был на высоте, и, как искусный игрок, сделал ловкий первый ход. Он сказал, что будет только восстанавливать факты, не комментируя их. «А затем, – сказал он, – если вы найдете, что следует прославлять и воздавать почести, вы воздадите их тому, чья рука всегда считалась наиболее могущественной, и чей щит и меч не были побеждены ни в одной христианской битве – тому, кто сидит здесь, среди нас». При этом он указал на сэра Лаунселота. Он перехитрил всех, удар был верный и блестящий. Теперь он начал рассказывать о том, как сэр Лаунселот во время поисков приключений в небольшой промежуток времени убил семь великанов и осво-

бодил сто сорок две пленные женщины, затем отправился дальше, все продолжая драться, за приключениями, и нашел его (сэра Кэя) в отчаянной и безнадежной битве против девяти иноплеменных рыцарей, напал один на них и победил всех девятерых.

Потом, в ту же ночь, сэра Лаунселот спокойно надел вооружение сэра Кэя, взял его коня и снова отправился в разные страны. Вскоре он опять победил шестнадцать рыцарей в одной битве и тридцать четыре в другой. И всех их и прежних девять он отправил к Троицыну дню ко двору короля Артура и предал их в руки королевы Гуниверы, как пленников сэра Кэя сенешала, добычу его рыцарской храбрости. И вот здесь шестеро из этих пленников, а остальные предстанут, когда поправятся от тяжелых ран.

Трогательно было видеть, как горело ярким румянцем лицо королевы, как счастливо и возбужденно она улыбалась и какой многозначительный взгляд бросила она на сэра Лаунселота, взгляд, который наверное стоил бы ему жизни в Арканзасе.

Все восхваляли доблести и великодушие сэра Лаунселота, а я не мог достаточно надивиться на человека, который способен один победить и взять в плен такой батальон опытных борцов. Я выразил свое изумление Кларенсу, но он только смеялся, так что тряслись перья на его шапочке.

— Если бы у сэра Кэя было время, он наполнил бы и другой мех кислым вином, тогда все это еще удвоилось бы.

Я с грустью смотрел на мальчика и вдруг начал замечать, что облако глубочайшего отчаяния затемняет его взор. Я посмотрел по направлению его взгляда и увидел очень старого седобородого человека, одетого в развевающуюся черную одежду, который поднялся из-за стола. Пошатываясь, и кивая старой слабой головой, он обводил всех присутствующих мутными глазами.

То же страдальческое выражение, которое я заметил на лице пажа, появилось на всех лицах вокруг. Это выражение безгласного существа, обязанного терпеть и даже не стонать.

— Боже мой, проговорил мальчик, опять он начнет ту же самую историю, которую рассказывал уже тысячу раз, одними и теми же словами, и которую будет рассказывать всегда, пока не умрет! Каждый раз, как его бочонок будет полон, пока его мельница будет в состоянии работать. Неужели же Бог допустить, чтобы я не видал завтрашнего дня!

— Кто это такой?

— Мерлин, могущественный лгун и волшебник, прах его побери с его проклятым рассказом! Но они все боятся его, потому что в его руках грома и молнии, и все дьяволы ада повинуются его призыву. Давно бы им надо было прогрызть его внутренности и уничтожить его вместе с его рассказом!

Он рассказывает всегда в третьем лице, чтобы заставить всех поверить в его скромность и нежелание прославлять себя. Пусть он будет проклят, и пусть разразятся над ним все несчастья! Добрый друг, разбуди меня, пожалуйста, к вечернему звону.

Мальчик прислонился к моему плечу и приготовился спать. Старик начал свой рассказ. Мальчик заснул на самом деле, заснули также собаки, весь двор, слуги и ряды воинов. Монотонный голос гудел, а мягкий переливчатый храп поднимался со всех сторон и поддерживал его подобно мерному аккомпанементу духовых инструментов. Головы некоторых наклонились к сложенным рукам, у других откинулись назад с открытым ртом, бессознательно поддерживающим концерт. Мухи жужжали и кусались без помехи, крысы повылезли из сотни отверстий, и забегали всюду, чувствуя себя, как дома. Одна из них села наподобие белки на голову короля, держала в передних лапах кусок сыру и закусывала, бросая огрызки на лицо короля с наивной и бесстыдной наглостью. Во всем этом было что-то успокаивающее и навевающее отдых на утомленные глаза и усталый ум.

Вот, что рассказывал старик: «Так отправились король и Мерлин и ехали, пока не нашли отшельника, который был добрый человек и прекрасный лекарь. Он осмотрел раны

короля и дал ему целебной мази. Так король пробыл там три дня, пока не зажили его раны, и пока не мог он ехать верхом, тогда они отправились дальше. И когда они ехали, Артур сказал: «У меня нет меча». «Ничего, сказал Мерлин, скоро мы найдем меч, который будет твой». И ехали они дальше, пока не приехали к озеру, которое было очень широкое, и в котором была прекрасная вода. Посреди озера Артур увидел руку, одетую в белую парчу, и в этой руке был прекрасный меч. «Вот, сказал Мерлин, там меч, о котором я говорил». И в то же время они увидели девуцу, которая вышла из озера.

«Что это за девица?» – спросил Артур. «Это царица озера, – сказал Мерлин. – Внутри этого озера есть скала, и там так хорошо, как нигде на земле. Девушка подойдет к тебе, и ты любезно попросишь ее, чтобы она дала тебе меч». Действительно, девушка подошла к Артуру и приветствовала его, и он ответил ей тем же. «Девушка, – сказал Артур, – что за меч держит там рука над водою? Я хотел бы взять его себе, так как у меня нет меча». «Сэр Артур, король, – сказала девушка, – этот меч принадлежит мне, и если ты дашь мне за него то, что я попрошу, я дам его тебе». «Клянусь верой, сказал Артур, я дам тебе все, что ты попросишь». «Хорошо, сказала девушка, там стоит лодка, сядь в нее и гребь сам до меча, и возьми его и ножны с собой, а я попрошу себе дар, когда придет мое время». Тогда сэр Артур и Мерлин спешили, привязали лошадей к деревьям, сели в лодку и поехали к мечу, который держала рука. Сэр Артур взял меч за рукоятку и вынул из руки, которая тотчас же скрылась под водой. И тогда они опять вышли на берег и поехали дальше. И тогда сэр Артур увидел богатый замок. «Что там за прекрасный замок?», спросил он. «Это замок последнего рыцаря, сказал Мерлин, с которым ты сражался, его зовут сэр Пеллинор. Но его нет дома. У него большая ссора с одним из рыцарей, благородным Эгглагом. Они уж сражались, и, наконец, Эгглам бежал, иначе он был бы убит. И он гнался за ним до Карлиона, и мы встретимся с ним в дороге. «Это хорошо, сказал Артур, теперь у меня есть меч, и я могу сразиться с ним и отомстить ему». «Сэр, ты не должен этого делать, сказал Мерлин, потому что рыцарь утомлен битвой и преследованием, и тебе не будет особенной чести победить его. Послу-

шайся моего совета, пропустим его с миром, в скором времени он пригодится тебе, а после его смерти пригодятся и его сыновья. Скоро также придет время, когда ты с удовольствием отдашь за него твою сестру». «Когда я увижу его, то поступлю по твоему совету», сказал Артур. Потом сэр Артур стал рассматривать свой меч и очень любовался им. «Что больше нравится тебе, спросил Мерлин, меч или ножны? «Мне больше нравится меч», сказал Артур. «Ты не мудро рассуждаешь, – сказал Мерлин, – ножны стоят десяти мечей, потому что, пока у тебя есть ножны, ты никогда не потеряешь много крови, никогда не будешь тяжело ранен, потому имей при себе всегда ножны». Так ехали они к Карлиону и на пути встретили сэра Пеллинора, но Мерлин сделал так, что Пеллинор не видал Артура и молча проехал мимо. «Удивительно, сказал Артур, что рыцарь ничего не говорил». «Сэр, сказал Мерлин, он не видал тебя, если бы он видел тебя, он не проехал бы мимо». Так приехали они в Карлион, где рыцари очень обрадовались им. И, когда услышали о их приключениях, дивились, что король подвергал свою особу таким опасностям. Но потом все говорили, что большая честь иметь такого короля, который рискует своей жизнью наравне с любым рыцарем».

IV. Сэр Динадан Шутник

Мне понравилась эта оригинальная и красиво рассказанная выдумка, но ведь я слышал ее в первый раз; вероятно, и другим она также нравилась, пока не надоела.

Сэр Динадан Шутник проснулся первый и скоро поднял остальных своей шуткой, очень немудреной, но оказавшейся занимательной. Он привязал металлический котелок к хвосту одной из собак и пустил ее.

В страшном испуге собака забежала с места на место, в сопровождении всех других, стуча и гремя котелком по каменному полу и задевая им обо все, что попадалось на дороге. Поднялся настоящий хаос. Шум, грохот и возня разбудили всех, и все, дамы и мужчины, хохотали до слез, в припадке смеха сваливались с мест и катались по полу. Совершенно так бывает с детьми. Сэр Динадан был в восторге от своей выдумки и до утомления рассказывал о том, как бессмертная идея пришла ему в голову. И как все шутники подобного рода он смеялся больше всех и дольше всех над своими собственными остротами. Он разошелся до того, что произнес спич – юмористический спич. Мне кажется, я всю жизнь не слышал столько старых заезженных острот, как в этот раз. Он был хуже странствующего певца, хуже клоуна в цирке. Было как-то грустно сидеть здесь, за тысячу триста лет до моего рождения, и слушал жалкие, плоские, избитые остроты, которые не казались мне смешными, когда я был мальчиком на тысячу триста лет позднее настоящего времени. Но, очевидно, было невозможно услышать здесь более новую шутку. Все смеялись над этими древностями, что, впрочем, мне случалось видеть и в более позднем времени. Но самый главный зубоскал, мой сосед паж не смеялся, то есть он зубоскалил, здесь не было ничего, чего бы он не осмеял, но иначе. Он говорил, что большая часть шуток сэра Динадана прогнили, остальные окаменели. Определение «окаменели» мне понравилось, я даже сказал, что такого рода шутки можно отнести к одному из геологических периодов. Но мое определение было пустым звуком для мальчика, так как в те времена геология не была еще изобретена. Все это я принял к сведению и рассчитывал воспитывать страну, если мне удастся выпутаться. Не следует выбрасывать вещь за окно потому только, что на нее нет еще спроса.

Встал сэр Кэй и снова пустил в ход свою мельницу, пользуясь на этот раз мною, как топливом. Теперь он рассказывал, как встретил меня в далекой варварской стране, где все мои соотечественники одеты в такую же смешную одежду. Одежда эта заколдованная и защищает носящих ее от вражеских рук. Однако, при помощи молитвы, ему удалось уничтожить чары, и он убил тринадцать рыцарей, бывших со мной, в трехчасовой битве и взял меня в плен, пощадив мою жизнь, чтобы представить как чудо королю и двору. Говоря обо мне, он употреблял все время самые лестные названия, вроде следующих: «этот чудовищный великан», «это ужасное страшилище с башню», «этот людоед с когтями и клыками, пожирающий людей», и т. п. Все эти эпитеты он произносил с необыкновенно наивной уверенностью, без улыбки и, казалось, совершенно не замечал явного несоответствия между своими описаниями и мной. Дальше он рассказывал, что, спасаясь от него, я одним прыжком вскочил на дерево в двести локтей вышины, но он сбил меня оттуда камнем величиной с корову, который перебил мне почти все кости, и, наконец, привез сюда, чтобы представить ко двору короля Артура. Закончил он тем, что приговорил меня к смерти, в полдень 21-го июня. Он произнес это настолько равнодушно, что даже остановился, чтобы зевнуть прежде, чем назвать число.

Скверно чувствовал я себя в это время. Едва ли я был даже в состоянии вслушиваться в споры о том, какого рода смерти меня предать. Недоразумения происходили из-за чар, находящихся в моей одежде. А одежда была самая обыкновенная, купленная в магазине готового платья за пятнадцать долларов. Однако я настолько еще соображал, чтобы отметить одну чрезвычайно интересную подробность: большая часть словечек и выражений, употребляе-

мых так себе, между прочим, в этом благородном собрании первых дам и джентльменов страны, были таковы, что заставили бы покраснеть любого дикаря. Слово «неприличный», недостаточно для определения смысла таких выражений. Но я читал «Тома Джонсона» и «Родерика Рандома» и другие книги в таком роде, потому знал, что высокорожденные первые дамы и джентльмены в Англии не более ста лет назад еще очень мало изменились в смысле чистоты выражений так же, как и в смысле чистоты поведения и нравов соответствующих выражениям. В сущности говоря, только в нынешнем, девятнадцатом столетии, появились настоящие описания истинных леди и джентльменов Англии да и всей Европы прежнего времени. Предположим, что сэр Вальтер, вместо того, чтобы вкладывать свои разговоры в уста своих героев, заставил бы их говорить собственным языком? Мы услышали бы от Рахили, Ивангоэ и изящнейшей леди Ровены такие выражения, которые смутили бы любого бродягу нашего времени. Как бы то ни было, для бессознательной неделикатности всякие вещи деликатны. Придворные короля Артура не сознавали неприличия своих выражений, а я еще успел сохранить присутствие духа настолько, чтобы не указать им на это. Все были так смущены чарами, заключенными в моей одежде, что не могли успокоиться, пока Мерлин не предложил им самого естественного и простого средства для успокоения. Он спросил, почему же до сих пор не догадались снять с меня мою одежду? В одну секунду я был гол, как язык! Рассматривали меня и рассуждали обо мне так равнодушно, как будто я был не что иное, как кочан капусты. Королева Гунивера с наивным интересом изучала мою фигуру и сказала, в конце концов, что ни у кого не видала таких красивых ног, как у меня.

Наконец я был унесен в одно помещение, а моя злосчастная одежда в другое. Меня бросили в темное подземелье, дали мне скудные объедки вместо обеда, связку сырой соломы вместо постели и бесконечное количество крыс вместо общества.

V. Вдохновение

Я был так утомлен, что даже переживаемый мною страх не помешал мне заснуть очень скоро. Когда я проснулся, мне казалось, что я спал очень долго. «Какой удивительный сон видел я!» мелькнуло у меня в голове. «Кажется, я проснулся во время, чтобы не быть повешенным, утопленным, сожженным или еще что-то в этом роде... Вздремну еще немножко, до свистка, а потом пойду в мастерскую и разделаюсь с Геркулесом».

Но тотчас же я услышал неприятную музыку заржавленных цепей и тяжелых болтов, в глаза блеснул свет, и мотылек Кларенс стоял передо мной! Я смотрел с изумлением, дыхание мое почти остановилось.

– Как! – вскричал я, вы еще здесь? Уходите вместе с остатками сновидения! Рассыптесь!

Но он только смеялся своим легкомысленным смехом и собирался шутить над моим горестным положением.

– Хорошо, – сказал я в раздумье, пусть сон продолжается, я не буду спешить.

– Скажи, пожалуйста, какой сон?

– Какой сон? Разве не сон то, что я при дворе короля Артура-особы, которая никогда не существовала, и то, что я разговариваю с вами, который есть тоже не что иное, как плод воображения.

– Ого! В самом деле? А это тоже сон, что тебя завтра сожгут? Ага, ответь-ка на это!

Потрясение было слишком велико. Я теперь только начал в действительности сообщать, насколько серьезно мое положение, сон оно или не сон. Я знал по опыту из своего похожего на жизнь сновидения, что быть сожженным, даже и во сне, совсем не шутка, потому надо стараться избежать этого всеми правдами и неправдами.

– Ах, Кларенс, умоляющим голосом обратился я к моему посетителю, дорогой мальчик, мой единственный друг, ведь я не ошибаюсь, что вы мой друг? Не покидайте меня, помогите мне удрать как-нибудь из этого места.

– Ну, теперь ты пришел в себя! Удрать? Как же это сделать, когда все выходы охраняются воинами?

– Правда, правда, Кларенс. Но разве их так много? Может быть, немного?

– Десятка два. Убежать нет никакой возможности.

После некоторого молчания он прибавил с запинкой:

– Есть и еще очень важные причины.

– Еще? Какие же?

– Видишь ли, они говорят... Но я не смею, право не смею!

– Но в чем же дело, бедный мальчик, почему вы не смеете? Почему вы колеблетесь и так дрожите?

– О, право, это необходимо... Я должен сказать тебе, но...

– Продолжайте, продолжайте, будьте же мужчиной. Говорите!

Он медлил, побуждаемый с одной стороны страхом, с другой стороны желанием. Затем он подкрался к двери, высунул голову и прислушался. Наконец, вернувшись, он прижался ко мне и начал говорить на ухо шепотом свои ужасные новости с таким опасением, как будто говорил о таких вещах, одно упоминание о которых грозило ему смертью.

– Мерлин по своей злобе околдовал это подземелье и теперь не найдется человека во всем государстве, который рискнул бы перейти его порог вместе с тобой! Теперь, спаси меня Бог, я сказал тебе! Ах, будь добр ко мне, будь милосерден к бедному мальчику, который желает тебе добра. Если ты мне изменишь, я погиб!

Я рассмеялся облегчающим душу смехом, каким давно уже не смеялся и воскликнул:

– Мерлин околдовал подземелье! Мерлин это сделал! Этот низкий старый шарлатан, старый шамкающий осел? Ну, история! Право глупее этой истории ничего не может быть на свете! Почему мне кажется, что из всех детских, идиотических суеверий, которыми вы... О проклятый Мерлин!

Но Кларенс не дал мне кончить, он бросился на колени и, казалось, готов был помешаться от страха.

– О пощади! Ты произносишь ужасные слова! Стены могут обрушиться на нас за эти слова. Возьми их назад, пока еще не поздно, раскайся!

Все это странное представление навело меня на хорошую мысль и заставило подумать. Если все здесь так искренно и до глубины души, как Кларенс, бояться Мерлина, считавшегося волшебником, то из этого человек с некоторыми преимуществами может извлечь несомненную выгоду. Размышляя таким образом дальше, я выработал план.

– Встаньте, сказал я Кларенсу. – Придите в себя, посмотрите мне в глаза. Знаете ли вы чему я смеялся?

– Нет, но во имя Пресвятой Девы Марии прошу тебя, не делай больше этого.

– Хорошо. Я все-таки скажу вам, почему я смеялся. Потому что я сам волшебник.

– Ты? – Мальчик отступил и затаил дыхание, заявление слишком поразило его. Но, вместе с тем, выражение его лица делалось все более и более почтительным. Я это отметил. Очевидно, шарлатан мог не иметь заранее известности в этом убежище для слабоумных. Народ готов верить на слово. Я начал:

– Я знал Мерлина семьсот лет назад, и он...

– Семь...

– Не перебивайте меня. Он умирал и снова оживал тринадцать раз, путешествовал каждый раз под новым именем: Смит, Джон, Робинзон, Якобсон, Петерс, Гаскинс, Мерлин-каждый раз новое вымышленное имя. Я знал его в Египте триста лет назад, знал в Индии пятьсот лет назад, он всюду попадался на моей дороге, был везде, где был я, он мне надоел. Он не стоит выведенного яйца, как чародей, знает несколько старых, всем известных, штук, и не идет дальше этой старины. Он хорош для провинции, но не может выдержать борьбу с настоящим чародеем. Теперь ступайте, Кларенс, я хочу быть вашим настоящим другом, и вы будьте моим. Вы должны сделать мне одолжение. Мне нужно, чтобы вы сказали королю, что я сам чародей, Великий Хай-ю-Мукамул, глава племени чародеев, и что я произведу бедствие в вашей стране, если намерение сэра Кэя будет приведено в исполнение, и мне будет причинен малейший вред. Согласны ли вы передать это от меня королю?

Бедный мальчик был в таком состоянии, что с трудом мог отвечать мне. Жаль было смотреть на это бедное создание-напуганное, расстроенное и сбитое с толку. Но он обещал мне сделать все, и я, с своей стороны, должен был обещать ему несколько раз, что останусь его другом, никогда не буду против него и никогда не поврежу ему своим чародейством. Затем он тихо побрел, держась за стенку, как больной.

Теперь только меня осенила мысль-как я был неосторожен! Когда мальчик придет в себя, он будет удивляться, как такой великий чародей, как я, мог просить мальчика, подобного ему, о помощи, чтобы выйти отсюда. Он сопоставит все, что я ему говорил, с тем, что есть на самом деле, и увидит, что я шарлатан.

Около часу сокрушался я над своей неосторожностью и ругал себя беспощадно. Но потом мне совершенно случайно пришло в голову, что ведь эти животные не обладают разумом. Они никогда ничего не сопоставляют, несоответствий для них не существует, это видно из всего, что я до сих пор видел и слышал. Я успокоился и ждал.

Но не суждено мне было успокоиться надолго, новые мысли снова стали мучить меня. Ведь я опять сделал ошибку. Я взбаламутил мальчика и послал его предупредить о своем намерении произвести бедствие. Народ, падкий до всяких чудес, будет жаждать увидеть их. Предположим, что меня пригласят для переговоров? Предположим, что меня спросят, о каком бедствии я говорю? Да, я опять сделал непростительную ошибку. Я должен был сначала придумать-это бедствие. Что я буду делать? Что я могу сказать, выдумать в такой короткий срок? Я снова был в страшной тревоге... Но вот, слышны шаги! Идут. Если бы я мог что-нибудь сейчас же придумать...

Боже мой! Я придумал! Теперь все хорошо.

Затмение. Мысль о нем пришла в голову как раз во время. Как оно спасало Колумба, Кортеса и других тому подобных людей от дикарей, так оно могло спасти и меня. И это не будет даже плагиатом, так как я воспользуюсь им почти на тысячу лет раньше.

Кларенс пришел расстроенный и угнетенный.

— Я поспешил посланцем, начал он, к нашему властелину королю, и он тотчас же принял меня. Он перепугался без памяти и хотел тотчас же сделать распоряжение, чтобы ты был освобожден и одет в лучшие одежды, как подобает такому великому человеку, но пришел Мерлин и все испортил. Он уверил короля, что ты болен, сам не знаешь, что говоришь, и что твои слова только бред сумасшедшего. Они долго спорили и, наконец, Мерлин сказал с насмешкой: «По крайней мере, назвал ли он бедствие, которым пугает? Очевидно, он этого не может сделать». Это сразу заставило короля замолчать, и он не мог не согласиться с справедливостью его слов. Итак, он не хочет сердить тебя, но просит не отказывать ему и сказать, какого рода бедствие произойдет и в какое время. О, прошу тебя, не медли. Медлить в такое время, значит удвоить, утроить опасность, которая угрожает тебе. О, будь мудр-назови бедствие!

Я молчал некоторое время, чтобы усилить впечатление.

— Когда я был брошен в эту дыру?

– Это было вчера, когда кончался день. Теперь девять часов утра.

– Не может быть! Значит, я хорошо поспал. Девять часов утра. До полуночи может произойти еще много осложнений. Сегодня двадцатое?

– Да, двадцатое.

– А завтра я буду сожжен живым?

Мальчик вздрогнул.

– В котором часу?

– В самый полдень.

– Теперь я скажу вам, что вы должны передать. Я молчал и стоял над дрожащим мальчиком в продолжение минуты, храня злое молчание. Затем я начал глубоким размеренным голосом произносящего приговора судьи и постепенно повышал его, доходя до настоящего пафоса возвышенности и благородства. Я играл свою роль так, как будто ничем иным в своей жизни не занимался:

– Ступай и скажи королю, что в минуту моего последнего вздоха свет померкнет, и мир погрузится в глубокую черную ночь. Я затемню солнце, и оно никогда больше не будет светить. Все плоды на земле сгниют от недостатка света и тепла, и все люди вымрут от голода до последнего человека!

Мне пришлось самому вынести мальчика, потому что он был без чувств. Я передал его воинам и вернулся назад.

VI. Затмение

В тишине и мраке факт начал представляться мне все более и более реальным. Факт бледен, пока о нем только знаешь, но раз он и начинает реализоваться, он принимает яркую и живую окраску действительности. Это все равно, что услышать о том, как пронзили сердце человека, или увидеть это собственными глазами. В тишине и мраке факт, что я нахожусь в смертельной опасности глубже и глубже входил в мое сознание, дюйм за дюймом проникал в мои вены и пронизывал меня холодом.

Но предусмотрительная природа всегда устраивает так, что как раз в ту минуту, когда человек окончательно падает духом, является какое-нибудь отвлечение, и он оживает. Надежда снова появляется, а вместе с ней бодрость, которая побуждает сделать все возможное и все зависящее от себя для своего спасения. Я ожил в одну минуту. Затмение спасет меня и сделает первым человеком в государстве. Оживление мое возрастало, и, вместе с ним, возвращалась прежняя беспечность и беззаботность. Я был счастливейшим человеком на свете. Я с нетерпением ждал завтрашнего дня, хотелось скорее присутствовать на собственном торжестве, скорее быть предметом почтения и удивления всей нации.

Конечно, в конце концов, я выйду в люди.

Между тем, где-то в глубине моего сознания зародилась новая мысль. Ведь, когда эти суеверные люди узнают, какого рода действием я им угрожаю, они захотят пойти со мной на сделку. Но в это время я уже услышал звуки приближающихся шагов, и мысль о сделке вполне овладела моим сознанием. «Хорошо, сказал я себе, они будут предлагать мне условия. Если они подходящи, я приму, если нет, я пойду на все».

Дверь отворилась, вошло несколько воинов. Предводитель сказал:

– Костер готов. Иди!

Костер! Мужество оставило меня, и я едва не лишился чувства. Дыхание сперлось в моей груди. Трудно ожидать, чтобы человек мог дышать в такую минуту, легкие его могут разорваться. Но, как только я мог говорить, я спросил:

– Но здесь есть ошибка, казнь назначена па завтра.

– Распоряжение отменено. Казнь перенесена на сегодня. Торопись!

Я погиб! Не было спасения! Я растерялся, не мог больше управлять собой. Как помешанный метался я в своей темной клетке. Наконец, солдаты схватили меня и стали толкать к выходу, затем также толчками повели меня по бесконечной сети темных подземных коридоров, пока не показался яркий дневной свет. Когда мы вышли на обширный огороженный двор замка, я несколько опомнился. Прежде всего мне бросился в глаза костер, приготовленный посреди двора. Рядомы лежала куча хвороста, а возле нее стоял монах. Со всех четырех сторон двора возвышались сиденья, устроенные рядами, один выше другого, амфитеатром. Они пестрели всевозможными яркими цветами. Король и королева сидели на тронах и выдавались среди всех.

Все это я заметил в одну секунду. В другую секунду Кларенс выскользнул из какого-то потайного угла, подбежал ко мне и начал сообщать мне на ухо целый ряд новостей. Глаза его блестели при этом торжеством и радостью.

– Это благодаря мне переменили, говорил он. Очень трудно было с ними сладить, но я изобразил им весь ужас бедствия и напугал их до полусмерти. Тогда я стал уверять их, что твое могущество над солнцем достигнет полной силы только завтра, так что, если хотят сохранить солнце, то должны казнить тебя сегодня, пока твои чары еще недостаточны для полного действия. Конечно, это все была ложь, моя собственная фантазия, но, если бы ты видел, как она на них подействовала! В страхе они считали, что им посылается спасение с небес. В первую минуту я смеялся и торжествовал, что мне удалось так легко обмануть их,

но потом я возблагодарил Создателя за то, что Ему угодно было меня, маленькое ничтожное создание, избрать орудием спасения человеческой жизни. Ах, как теперь будет все хорошо! Тебе не нужно совсем уничтожать солнце-не забывай этого, ах, во имя спасения души, не забывай этого! Сделай только временную темноту, немножко затемни солнце, а потом опять верни нам его свет. Этого будет достаточно. Они увидят, конечно, что я говорил неправду, но подумают, что я ничего не знаю, но это ничего. Как только упадет первая тень на солнце, они с ума сойдут от страха, и сейчас же освободят тебя, и ты будешь великим человеком! Иди же к твоему триумфу! Но помни, ах, мой друг, заклинаю тебя, помни мою мольбу, не уничтожай совсем солнца! Во имя моего спасения, будь добрым и верным другом!

Подавленный горем и отчаянием, я с трудом заставил себя произнести несколько слов, чтобы утешить его, что солнце будет пощажено. Его умоляющие глаза, полные любви и страха, проникли в мою душу, и у меня не хватило жестокости сказать ему, что его глупая доброта привела меня к гибели.

Пока солдаты вели меня по двору, тишина была настолько ненарушима, что, если бы я был слеп, я мог бы подумать, что иду по пустыне, а не по месту, наполненному несколькими тысячами народа. Не было заметно никакого движения в этой массе людей, все были неподвижны, как каменные изваяния и так же, как они, бледны.

Ужас выражался на каждом лице.

То же молчание продолжалось, пока меня привязывали к столбу, пока тщательно и томительно долго собирали хворост к моим щиколоткам, к моим коленям, ко всему моему телу. Наступила мертвая, еще большая тишина, если это только было возможно, и человек наклонился к моим ногам с пылающим факелом. Все вытянули шеи, подались вперед и соскальзывали с мест, не замечая этого. Монах поднял руки над моей головой, обратил глаза к голубому ясному небу, начал произносить какие-то слова по-латыни. Оставаясь в том же положении, он вдруг начал запинаться, больше и больше, наконец остановился. Я ждал некоторое время, затем взглянул на него. Он стоял, как окаменелый. Точно от одного общего толчка вся толпа поднялась и обратила взоры к небу. Я последовал общему примеру. Верно, как то, что я существую, мое затмение начиналось. Жизнь снова закипела в моих жилах. Я чувствовал себя обновленным человеком.

Черное пятно медленно надвигалось на солнечный диск, сердце мое билось сильнее и сильнее, и все собрание и монахи все также неподвижно и безмолвно смотрели на небо. Я знал, что скоро этот безмолвный взгляд обратится на меня. Он встретит меня готовым. Я принял величественный вид и протянул руку к солнцу. Эффект был поразительный. Можно было видеть содрогание, пробежавшее по толпе подобно волне. Раздалось два восклицания, одно вслед за другим.

– Приложите факел!

– Я запрещаю!

Одно было от Мерлина, другое от короля. Мерлин ринулся с своего места, чтобы взять факел, должно быть. Я сказал:

– Останьтесь на месте. Если двинется с места хоть один человек, даже король, пока я не разрешу, я убью его громом, я сожгу его молнией!

Толпа покорно отхлынула к своим местам, я подождал еще с минуту. Мерлин медлил, и я был, как на иголках. Я перевел дыханье. Теперь я господин положения. Король сказал:

– Будь милосерден, прекрасный сэр, не продолжай таких жестоких опытов, прекрати бедствие. Мне было доложено, что твое могущество достигнет полного развития только завтра, но...

– Но ваше величество подумали, что это донесение могло быть ложно? Оно было ложно.

Мое заявление произвело величайший эффект. Отовсюду потянулись руки к королю, все осаждали его мольбами купить меня за какую угодно плату, лишь бы прекратилось бедствие. Король с готовностью соглашался на все.

– Скажи твои условия, почтенный сэр, хотя бы половину моего царства, Только прекрати бедствие, пощади солнце!

Моя судьба была решена. Я овладел ими в одну минуту. Но остановить затмения я не мог, потому попросил несколько времени для размышления.

– Скоро ли, скоро ли, добрый сэр? с мольбою спрашивал король. Будь милосерден, смотри, мрак усиливается с каждой минутой. Прошу тебя, не медли.

– Скоро. Полчаса, может быть, час.

Со всех сторон слышались протесты, но я не мог сократить срока, так как не помнил, сколько времени может продолжаться полное затмение. Снова я находился в затруднительном положении, которое нужно было обдумать.

Было что-то странное в этом, неожиданно явившемся мне на выручку, затмении. Если оно не было то, которое должно быть в шестом столетии, значит, это все опять таки только сон? Боже мой, если бы действительно было так! Новая надежда. Если мальчик правду сказал, что сегодня 20-ое число, значит теперь не было шестое столетие.

Я толкнул монаха и спросил, какое сегодня число?

Черт его побери! Он сказал, что было двадцать первое число. Опять мороз побежал по коже. Я спросил, не ошибается ли он, но нет, он был уверен, что 21-ое. Так легкомысленный мальчишка опять все напутал! Именно в этот день было затмение, оно уже начиналось и было близко к полному. Да, я был при дворе короля Артура, и ничего больше не оставалось, как примириться с фактом и извлечь из него возможные для себя выгоды.

Темнота возрастала, народ приходил в большее и большее волнение.

— Я подумал, король, — сказал, наконец я. Чтобы вы получили урок, я продолжу мрак и пошлю ночь на землю, но возвращу я солнце или разрушу его, это будет зависеть от вас. Вот мои условия: вы останетесь королем над всей вашей страной, и вам будут по-прежнему воздаваться все почести, подобающие королевскому достоинству.

— Но меня вы должны назначить вашим несменяемым министром и исполнителем ваших распоряжений, и должны дать мне один процент с приращения нынешнего дохода с государства, которое я надеюсь ему доставить. Если мне этого не хватит, то я обязуюсь не просить прибавки. Приемлемо это?

Рев толпы и бешеный взрыв аплодисментов были ответом на мое предложение. Среди них раздавался голос короля, говорившего:

— Долой веревки! Пусть он будет свободен! Кланяйтесь ему, воздайте ему почести богатый и бедный, так как он становится правой рукой короля, он облечен властью и могуществом, и его место на самой высокой ступеньке трона! Теперь прогони эту ужасную ночь, принеси свет и веселье, и весь мир будет благословлять тебя.

Но я сказал.

– Не беда, если простой смертный посрамлен перед всеми, но бесчестие королю, если все видят его министра обнаженным, и он не снимет с него этого позора. Повелите принести мне мое платье...

– Оно не подходит тебе, перебил меня король. Принесите ему другую одежду, оденьте его, как принца!

Мысль моя работала. Мне необходимо было выдумывать задержки, иначе они опять начнут просить меня прекратить мрак, а я не смогу это сделать. Одевание, конечно, заняло некоторое время, но этого было мало. Я придумал новую отсрочку. Я сказал, что не приличествует королю отменять сделанное им распоряжение или раскаиваться в данном обещании, потому я даю ему срок обдумать его решение и на это время продлю темноту. Когда, через некоторое время, король подтвердит свое обещание, темнота исчезнет. Все были недовольны моим новым решением, но я твердо стоял на своем.

Мрак становился гуще и чернее, пока я облачался в одежды шестого века. Наступила полная ночь, подул холодный ветер, звезды заблестели на небе, и кругом раздавались стоны и вопли ужаса.

Затмение было полное, и смутнение усиливалось. Я сказал:

– Король молчанием подтверждает свои условия.

Тогда я поднял руки, держал их так некоторое время, потом сказал с ужасающей торжественностью:

– Снимаю чары, и пусть минует бедствие!

На минуту воцарился глубочайший мрак и могильная тишина. Но вот минуты через две освободился золотой краешек солнца, и все собрание разразилось криками восторга, благословений и благодарности. Кларенс, конечно, был не из последних среди возвеличивающих меня людей.

VII. Башня Мерлина

Так как я был второй особой в государстве и был облечен политической и всякой другой властью, то мне воздавались подобающие моему положению почести. Одели меня в платье из шелка и бархата, шитое золотом, потому очень тяжелое и неудобное. Но, конечно, по необходимости я скоро привык к нему. Я был помещен в замке в лучших комнатах после королевских.

В них было душно от шелковых занавесей кричащих цветов, но на каменном полу, вместо ковра, лежал камыш всех сортов. Что же касается самых элементарных удобств, то они отсутствовали. Массивные дубовые стулья, украшенные резьбой, были, пожалуй, и красивые, но сидеть на них можно было только разве за наказание. Ни мыла, ни спичек, ни зеркала здесь не знали. Вместо последнего употребляли металлические листы, но смотреться в них можно было с таким же результатом, как в ведро с водой.

И ни одной хромолитогрфии.

Я сам несколько занимался этого рода искусством, когда был на заводе, и привык считать его частью самого себя. Мне прямо больно было смотреть на всю окружающую меня великолепную пышность и на мертвенно холодные голые стены. Я вспоминал нашу незатейливую квартирку в Гартфорде, где не было ни одной комнаты без хромолитогрфии или, по крайней мере, без трехцветной картины «Бог да благословит наш дом», висящей над дверями.

В гостиной у нас висело девять хромофотографий. А здесь, даже в моей громадной приемной комнате, не было ничего похожего на картину, за исключением разве чего-то вроде большого одеяла тканного или вышитого, местами заштопанного. Не было ни одной живой краски и ни одной фигуры на этом произведении искусств, что же касается соразмерности, то сам Рафаэль нашел бы ее ужасной даже после своей кошмарной картины, которую именуют «знаменитый картон Хамптонского Двора».

У него есть и еще несколько странных картин. Вообще для меня совершенно непонятно значение искусства Рафаэля; он писал, как птица поет; все его картины пресны и несообразны.

В замке не было также ни звонков, ни слуховой трубы. У меня было очень много слуг, которые постоянно торчали в передних, но, когда они были мне нужны, я должен был идти и звать их.

Не было ни газу, ни свечей; бронзовые чашки, до половины наполненные скверным маслом с горящей тряпкой, плавающей в нем, – было все, что считалось освещением. Много таких чашек висело по стенам, и их свет только слегка разрежал ночную темноту. Если нужно было выходить куда-нибудь ночью, то слуги провожали с горящими факелами.

Не было ни книг, ни чернил, не было стекол в отверстиях, которые назывались окнами. Ведь, кажется, пустяжная вещь стекло, а и оно делается важным, когда его не хватает. Но всего более чувствовалось отсутствие таких необходимых продуктов, как чаю, сахару, кофе и табаку.

Мне представлялось, что я другой Робинзон Крузо, попавший на необитаемый остров с более или менее прирученными животными вместо обыкновенного человеческого общества. Чтобы сделать сносным свое существование, я должен был изобретать, выдумывать, создавать. Я должен был напрягать мозги и действовать руками, вообще преобразовывать окружающую меня обстановку. Но это было мне по вкусу.

Одно только беспокоило меня вначале-слишком уж много интереса возбуждал я в народе. По-видимому, вся нация желала меня видеть.

Скоро, конечно, стало всюду известно, что затмение перепугало британский народ до смерти, что, пока оно продолжалось, вся страна, с одного конца до другого, была в паническом ужасе. Все монастыри, церкви и отшельнические кельи были переполнены бедными молящимися и плачущими созданиями, которые думали, что пришел конец мира. Потом начали доходить до всех слухи, что виновником ужасного события был иностранец, могущественный чародей при дворе короля Артура. Он задул солнце, как свечу, когда ему угрожали смертью, но потом снял чары, за что теперь его все почитают и прославляют, как человека, который своей властью спас землю от разрушения и людей от голодной смерти. Если же теперь представить себе, что не было не только ни одного человека, не верящего во все это, но даже хотя сколько-нибудь сомневающегося, то вы поймете, что каждый человек стремился собственными глазами увидеть такого удивительного чародея. Обо мне только и говорили, все остальное было забыто, даже король вдруг отодвинулся на второй план.

В продолжение дня и ночи прибывали послы и делегаты отовсюду. Простой народ толпами шел по дорогам. Больше двенадцати раз в день должен был я выходить и показываться толпе, с почтением и благоговением взирающей на меня. Это становилось тяжело и утомительно, хотя нельзя сказать, чтобы не было приятно слыть такой известностью и быть предметом поклонения и обожания.

Мерлин зеленел от зависти и досады, что тоже доставляло мне немалое удовольствие. Одно только было для меня непонятно: никто не просил моего автографа. Я говорил даже по этому поводу с Кларенсом. Но, Боже мой, чего мне стоило объяснить ему, в чем тут дело! Поняв, наконец, о чем я говорю, он сказал, что во всей стране, никто, кроме разве десятка монахов, не умеет, ни читать, ни писать. Во всей стране! Подумайте только!

Было еще одно обстоятельство, которое смущало меня несколько. Весь собирающийся сюда люд, конечно, ждал от меня нового чуда. И это было вполне естественно.

Приятно иметь возможность похвастаться своим далеким домашним, что видел собственными глазами человека, которому повинуются небо, приятно повеличаться этим в кругу своих соседей и возбудить в них зависть. Но насколько увеличатся все эти удовольствия, если удалось еще увидеть и чудо, совершенное таким удивительным человеком. Настроение было повышенное и напряженное. Имелось еще впереди затмение луны, и я знал число и час его, но до него еще было очень далеко – два года. Я дал бы ему прекрасные привилегии, если бы оно поторопилось, так как на него был теперь большой спрос.

Очень было досадно, что оно произойдет тогда, когда никто им не сможет воспользоваться так, как воспользовался бы я теперь.

Если бы оно должно было быть через месяц, я сумел бы провести время до него и подготовить всех к новому великому чуду, но теперь я не видел решительно ничего, на что мог бы рассчитывать, как на подспорье моей репутации. А между тем Кларенс уже не раз говорил мне, что Мерлин возбуждает народ против меня, называет меня шарлатаном, который только обманывает людей, и не может сделать никакого чуда. Нужно было действовать, и я обдумывал план.

Пользуясь данной мне властью, я заключил Мерлина в башню-в то самое подземелье, в котором сидел сам. Затем я возвестил через герольдов с барабанным боем, что буду занят две недели разными государственными делами, а в конце этого срока я в одну минуту сожгу каменную башню Мерлина огнем с неба. И пусть остерегаются все, распространяющие обо мне дурные слухи, а также и слушающие их. Кроме того, предупреждаю всех, что только это одно чудо намерен я совершить пока, если же оно окажется недостаточным, и будут снова роптать, я превращу всех недовольных в лошадей и заставлю их работать. Спокойствие восстановилось.

Я отчасти посвятил в свою тайну Кларенса, который должен был помогать мне в работе. Я сказал ему, что чудо, которое я намерен совершить, требует некоторых приготовлений. Но предупредил его при этом, что внезапная смерть грозит всякому, кто будет рассказывать об этих приготовлениях. Такое предостережение, конечно, должно было несколько сократить его охоту к болтливости. Потихоньку мы сделали несколько хороших бушелей хорошего минного пороха, затем, с помощью подчиненных мне воинов, я устроил громоотвод и проволоки. Старая каменная башня была уже в сущности развалиной, но очень массивной постройки. Она сохранилась еще от римских времен, и ей насчитывали не менее четырехсот лет. Плющ обвивал ее от основания до вершины, как чешуйчатая кольчуга и, несмотря на грубость формы, она была очень красива. Стояла она на уединенной возвышенности, в полумиле расстояния от замка, но была хорошо видна из него.

Работая по ночам, мы начиняли башню порохом, мы клали его даже в стены, которые в основании были около пятнадцати футов толщиной.

В каждое отверстие было всыпано не менее гарнца пороха. С таким количеством пороха можно было бы взорвать Лондонскую башню. На тринадцатую ночь мы утвердили громоотвод на целую кучу пороха и провели проволоки во все отверстия. После моего объявления все обегали башню на большом расстоянии, но утром четырнадцатого дня я счел за лучшее предупредить еще раз через герольдов, чтобы никто не подходил к башне ближе, как на четверть мили.

Тогда же было объявлено о времени совершения чуда. Во избежание несчастья флаги и горящие факелы на башне подтверждали предупреждение.

Грозы повторялись довольно часто за последнее время, потому я не боялся неудачи. Все-таки я выговорил себе дня два запасных, ссылаясь на занятия государственными делами и говоря, что народ может подождать еще немного.

Как нарочно день выдался ясный, солнечный – кажется первый в продолжение трех недель. Я уединился и наблюдал за небом. Кларенс время от времени врывался ко мне и с волнением сообщал о том, что всеобщее возбуждение возрастало все больше и больше.

Все окрестности замка, которые можно было окинуть глазом со стен, были заняты сплошной массой людей. Но вот подул ветер, показалось облако, в то же время солнце уже начинало садиться. Облако увеличивалось, темнота сгущалась, я рассудил, что наступило время мне появиться. Я приказал зажечь факелы на башне, освободить Мерлина и привести его ко мне. Еще через четверть часа я сошел на площадку, где нашел короля и весь двор, смотрящих в темноте на башню Мерлина. Мрак увеличился до такой степени, что ничего не стало видно. Факелы ярко горели на старой башне на холме и бросали кровавые отблески на

часть собравшегося народа и зубцы замка. Картина была эффектная. Мерлин пришел мрачный и озлобленный. Я сказал ему:

– Вы хотели сжечь меня живым, когда я не причинил вам никакого вреда; затем вы все время старались испортить мою репутацию. Вследствие этого я принужден низвергнуть огонь на вашу башню, но вы можете воспользоваться случаем, если хотите. Если вы думаете, что можете уничтожить мои чары и предохранить башню от огня, возьмите жезл и действуйте, настал ваш час.

– Я могу, прекрасный сэр, и я уничтожу, не сомневайтесь!

Он начертил воображаемый круг на камнях площадки и сжег щепотку порошка, отчего распространился ароматичный дым. Все отшатнулись, начали креститься, вообще чувствовали себя неудобно. Затем он начал бормотать что-то, делая в воздухе пассы руками. Он двигался медленно и монотонно, как в бреду, его широкие рукава болтались вокруг него, как крылья мельницы. Между тем, гроза усиливалась, порывы ветра задували факелы, и темнота сгущалась. Упало несколько тяжелых крупных капель дождя, молния беспрестанно блеснула на черном небе. Без сомнения мой громоотвод должен был начать действовать. Наступала важная минута.

– Я дал вам достаточно времени, сказал я Мерлину. Я предоставил вам все и не вмешивался. Очевидно, ваши чары слабы. Теперь пришла моя очередь.

Я сделал три пасса в воздухе, и вдруг раздался страшный треск, старая башня взлетела к небу, и целый фонтан огня превратил ночь в день и осветил на протяжении тысячи акров массы людей, в ужасе и смятении упавших на землю. «Целую неделю после этого шел дождь из камня и известки» повествовало донесение того времени. На самом деле было не так уж страшно.

Это было настоящее чудо. Большая часть гостей немедленно удалилась восвояси. На другой день во все стороны от замка тянулись бесчисленные следы и колеи от колес и жидкой грязи. Вероятно, если бы мне пришлось собирать публику для следующего чуда, необходимо было бы прибегнуть к услугам шерифа.

Фонды Мерлина упали окончательно. Король хотел лишить его жалованья, хотел даже изгнать его, но я вмешался. Я сказал, что он может пригодиться на то, чтобы следить за погодой и на разные другие мелкие работы, а я уже буду поддавать жару там, где будет не хватать его чародейских способностей. Правда, от его башни остались одни воспоминания, но я советовал возобновить ее на счет государства, а ему рекомендовал держать пансионеров, но этого ему не позволяло его высокое звание. Что же касается благодарности, то я так и не дождался ее от него. Конечно, участь его была не завидная: – трудно ожидать любезности и благодарности от человека, который лишился всех выгод и преимуществ, поневоле уступив их другому.

VIII. Турнир

В Камелоте часто происходили большие турниры. Это были очень интересные, смешные и живописные бои людей, как бывают бои быков, хотя несколько утомительные для практического ума. Как бы то ни было, я всегда на них присутствовал по двум причинам – во-первых, человек не должен избегать развлечений, приятных его друзьям, особенно, если он занимает государственный пост. Во-вторых, как государственный и деловой человек, я хотел изучить турниры, чтобы ввести в них, в случае необходимости какие-нибудь улучшения. Кстати замечу, что первое, что я сделал в самом начале своей деятельности, была контора для выдачи патентов. Я убежден, что страна без конторы патентов и без хороших законов о патентах, подобно раку, будет всегда пятиться назад вместо того, чтобы идти вперед.

Турниры происходили почти каждую неделю и несколько раз уже рыцари, как Лаунселот и другие предлагали мне принять участие, но я говорил, что должен еще привыкнуть понемногу, торопиться некуда. Пока не налажена еще государственная машина, нужно за ней следить и смазывать ее колеса.

Один турнир продолжался целую неделю изо дня в день, и более пятисот рыцарей принимали в нем участие. Они собирались в продолжение нескольких недель. Они приезжали верхом отовсюду, с самых отдаленных концов страны, даже из-за моря. Многие привозили дам, всех оруженосцев и толпы слуг. Толпа блистала пышностью и великолепием одежды и вооружения и служила прекрасной характеристикой страны и времени по своим инстинктам высшей породы животных, по наивной непристойности выражений и по благодушному равнодушию к нравственности. Каждый день и целые дни сражались, каждую ночь танцевали, пели, играли и продавались попойкам. Прекрасное и благородное препровождение времени. Вы не имеете понятия о таких людях. Скамьи, наполненные благородными дамами, блистали грубым варварским великолепием. Когда какой-нибудь рыцарь падал с лошади на арену, обливаясь кровью, пронзенный древком копья толщиной с вашу лодыжку, прекрасные зрительницы с восторгом аплодировали и тянулись одна через другую, чтобы лучше видеть. А если вы видели, что какая-нибудь леди сокрушенно прятала лицо в свой носовой платок, вы могли быть уверены, что она огорчается тем, что происходящий где-нибудь в это время скандал не будет замечен публикой.

Всякий ночной шум в обычное время был очень неприятен для меня, но при настоящих обстоятельствах я относился к нему иначе, потому что он заглушал хрустение костей отнимаемых рук и ног, искалеченных за день. Передо мной лилась кровь, и ломалась добрая старая сталь, а я думал о том времени, когда передам нож и топор в руки хирурга и заменю их киркой и мотыгой моего века.

Я не только изо дня в день наблюдал за турниром, но еще подробно описывал его одному образованному священнику из моего департамента общественной нравственности и земледелия. Он записывал мои наблюдения для будущей газеты, которую я намеревался издавать непременно, когда народ мало-помалу разовьется. Первое, что необходимо для молодой страны, это контора патентов, затем школьное обучение и, наконец, газета. Газета имеет свои недостатки и много их, но все-таки она единственный голос из могилы умершей нации, который не дает забывать ее. Без газеты вы не восстановите погибшую нацию. Пока мне нужно было заготовить образцы репортажа о шестом столетии.

Патер был человек умелый, взялся за дело серьезно и со смыслом. Он не забывал ни малейших подробностей и, что особенно хорошо, соблюдал местный и современный колорит. Он, видите ли, вел книги погребального департамента при церкви, когда был моложе. Ну, а там вы знаете, каждая подробность ведет за собой лишнюю копейчку. Носильщики, прислуга, свечи, моельщики-всему отдельный счет! Если родственники умершего не достаточно хорошо оплатили моельщиков, надо накинуть копейку на свечи, и счет будет в порядке. Кроме того, он очень ловко делал комплименты рыцарям, не всем конечно, а пользующимся известным влиянием. Он успел, где нужно, деликатно преувеличить, так как в свое время служил привратником у одного отшельника, который жил в хлеву и творил чудеса.

Конечно, в этом отчете послушника не хватало треска шума и мрачных описаний, так что он не вполне соответствовал действительности, но его своеобразные достоинства несколько искупали этот важный недостаток. Его древнее изложение дышало изящной прелестью и простотой, было пропитано благоуханием красноречия того времени. Вот выдержки из него.

«Тогда сэр Бриан де ле Исль и Груммор Грумморсум, рыцари замка, встретились с сэром Агловаль и сэром Тор, и сэр Тор сбросил сэра Груммора Грумморсума на землю. Тогда пришли сэр Карадос из печальной башни и сэр Туркин, рыцари замка, и там встретился с ними сэр Персиваль де Галис и сэр Ламоран де Галис, братья, и встретился сэр Персиваль с сэром Карадос, и каждый сломал свое копьё, и сэр Туркин с сэром Ламорем сбросили друг друга на землю и опрокинули лошадей, и снова все поднялись и сели на коней. И сэр Арнольд и сэр Гаутэр, рыцари замка, встретились с сэром Брандлес и сэром Кэй, и мощно сражались эти четыре рыцаря, и сломались копьё у них в руках. Тогда пришел сэр Бертолон из замка, и встретился с ним сэр Лионель, и тогда сэр Бертолон, зеленый рыцарь, сбросил сэра Лионеля, брата сэра Лаунселота. Все это было отмечено благородными герольдами, которые воздали им почести и прославили их имена. Тогда сэр Блеобарис сломал свое копьё о копьё сэра Гарет, но от этого удара сэр Блеобарис упал на землю. Когда увидел это

сэр Галигодин, он наскочил на сэра Гарета, но сэр Гарет сбросил его на землю. Тогда сэр Галигуд вынул меч, чтобы отомстить за брата, и в то же время сэр Гарет поразил его. И сэр Динадин и его брат ла-Кот Маль Тэль, и сэр Сагралюр ле-Дезирус, и сэр Додинас ле-Солеж-все были поражены одним рыцарем. Когда король ирландский Агвизанс увидел сэра Гарета, он удивлялся на него и не знал, кто он, потому что рыцарь при одном выезде казался зеленым, при другом синим. При каждом выезде он менял цвет, так что ни король, ни рыцари не могли распознать его. Тогда сэр Агвизанс, король Ирландии, встретился с сэром Гаретом, и сэр Гарет сбросил его с лошади вместе с седлом. Тогда вышел король Шотландии сэр Карадос, а сэр Гарет опрокинул его вместе с лошадьё. То же самое сделал он с королем Урием земли Горской. И тогда вышел сэр Багдемагус, и сэр Гарет сбросил его на землю и опрокинул лошадь. Но сын Багдемагуса Мелиганус сразился с сэром Гарет мужественно и рыцарски. Тогда сэр Галогольт, благородный принц, закричал: «Рыцарь нескольких цветов, ты действительно хорошо сражался, теперь готовься, я хочу сразиться с тобой». Сэр Гарет слышал его, и он взял громадное копье, и они встретились, и принц сломал свое копье.

Но сэр Гарет ударил его по левой стороне шлема, так что он закачался во все стороны и упал бы, если бы люди не поддержали его. «Поистине, сказал король Артур, этот рыцарь нескольких цветов хороший рыцарь». Тогда король позвал сэра Лаунселота и просил его сразиться с тем рыцарем. «Сэр, сказал Лаунселот, по совести моей я не могу сражаться с рыцарем, который работал так много сегодня. Когда рыцарь так много сделал в один день, не подобает другому рыцарю отнимать часть его заслуг. Вероятно, дама, за которую он сражался сегодня, присутствует здесь и полюбила его больше за то, что он совершил столько подвигов, и, следовательно, сказал сэр Лаунселот, по моему, он заслуживает всех почестей.

В этот день произошел один небольшой, но неприятный эпизод, описание которого я в интересах государства вычеркнул из отчета священника.

Вы заметили, что Гарри очень много сражался на сегодняшнем турнире. Именем Гарри я называю Гарета. Уже это ласкательное название показывает, что я очень к нему привязан, и на это есть причина. Конечно, этим именем я называю его только мысленно, так как дворянин не мог бы допустить такого фамильярного отношения с моей стороны. Итак, продолжаю. Я сидел в особой ложе, данной мне, как министру короля. Сэр Динадан, в ожидании своей очереди выходить на арену, пришел ко мне и начал разговаривать. Он любил беседу со мной, потому что я был иностранец, и как он полагал, не успел еще прислушаться к его островам, большая часть которых уже не возбуждала смеха ни в ком, кроме него самого. Насколько мог, я всегда старался поощрять его усилия и чувствовал к нему глубокую признательность уже за то, что он избавлял меня от одного известного анекдота, который я слышал сотни раз, и который, по несчастию, был известен ему. Этот анекдот непременно повторяется всеми шутниками Америки от времен Колумба до нынешних. Он повествует об одном лекторе юмористе, который в продолжение часа изощрялся в самых убийственных островах перед невежественной аудиторией и ни в ком не вызвал смеха. Когда он, наконец, кончил, один седоволосый простак пожал его руку и сказал, что он никогда не слышал ничего забавнее, но «все они удерживались от смеха, чтобы не обидеть лектора». В сущности, анекдот никогда не заслуживал особенного внимания, а между тем его повторяли десятки, сотни, тысячи, миллионы и биллионы раз и на всех перекрестках. Так легко себе представить, какие чувства возбудил во мне вооруженный с ног до головы осел, когда он выкопал вдруг из тьмы доисторических времен, из тех времен, когда не слыхали еще о крестовых походах, этот злощастный анекдот.

Едва успел он кончить, как его вызвали на арену. Гогоча, как бес, треща и звеня, как корзинка с пустыми бутылками, вышел он из моей ложи прежде, чем я опомнился. Придя в себя через несколько минут, я открыл глаза, как раз в то время, когда сэр Гарет нанес ему страшный удар. «Надеюсь, он убит», с полусознательной мольбой прошептал я. Но на мое

несчастье, еще до произнесения мною неосторожных слов, сэр Гарет налетел на сэра Сагра-мора ле-Дезируса и сбросил его через круп лошади. Сэр Саграмор услышал мое замечание и подумал, что оно относится к нему.

Ну-с, а если кто-нибудь из этих господ забирал что-нибудь себе в голову, так вышибить было мудрено. Я это знал, и потому не пускался ни в какие объяснения. Оправившись, сэр Саграмор заявил, что у нас с ним еще будут кое-какие счета, и назначил срок через три или четыре года. Место-арена, на которой было нанесено оскорбление. Я сказал, что приготовлюсь к его возвращению. Он, видите ли, собирался в крестовый поход. Рыцари отовсюду

отправлялись в крестовые походы. Путешествие продолжалось обыкновенно несколько лет. Они всюду разыскивали добросовестнейшим образом гроб Господень, хотя никто из них по-настоящему не знал, где он должен находиться. Я не думаю также, чтобы кто-нибудь из них действительно надеялся найти его. Это было нечто вроде стремления к северному полюсу в наши дни, вот и все. Ежегодно снаряжалась экспедиция к Святому Гробу, а на следующий год отправлялась вторая на поиски первой. Все это была только погоня за славой, но не за деньгами. К чему им понадобилось припутать тут меня, не понимаю. Хорошо. Пока что я могу только улыбнуться.

IX. Начало цивилизации

Круглый стол скоро услышал о вызове, и, без сомнения, поднялось много разговоров о деле, которое могло интересовать только мальчиков. Король думал, что я должен теперь отправиться в поиски за приключениями, чтобы прославиться и быть достойным встречи с сэром Саграмором по истечении нескольких лет. Я извинился, сказав, что мне необходимо еще поработать года три, четыре; чтобы окончательно наладить дела. После этого я могу начать приготовления. По всей вероятности к концу этого срока сэр Саграмор не вернется еще из крестового похода, потому нет основания терять время зря.

К тому времени я буду на государственной службе уже шесть или семь лет, и думаю, что моя система усовершенствований настолько разовьется, что ей не будет ущерба от небольшого отдыха, который я себе позволю.

Я был вполне удовлетворен началом своей деятельности.

В различных спокойных уголках и местечках у меня были уже в ходу всевозможные промышленные затеи-зародыши будущих обширных фабрик-рассадников будущей культуры. При них я собрал всех более или менее способных молодых людей, которых я мог найти. Они были моими учениками и агентами. Я приучал невежественную толпу народа к разным ремеслам. Все это я устраивал в разных глухих местечках страны, куда рассылал моих агентов, и куда никто не мог проникнуть без особого разрешения. Единственная помеха, которой я боялся, могла быть со стороны церкви.

Я основал школу для подготовки учителей и нечто вроде воскресных школ на первое время. В результате у меня была целая сеть низших школ в разных местах и несколько протестантских конгрегаций – и все это было в наилучших условиях и в цветущем состоянии. Каждый мог быть христианином какого угодно вероисповедания, в этом отношении допускалась полная и безусловная свобода. Но, допуская религиозное обучение в церквях и воскресных школах, я положительно воспрещал его в своих других учебных заведениях.

Конечно, я мог бы отдать предпочтение своей секте и склонять всех к пресвитерианству, но это было бы насилием над человеческой совестью. Духовные потребности и инстинкты также разнообразны в человеческой семье, как физические особенности его натуры. Человек только тогда может чувствовать себя хорошо морально, когда его религиозная одежда соответствует вполне, по цвету, форме и размеру, его духовным потребностям, характеру, всем неровностям и особенностям его существа. Кроме того, я боялся соединенной церкви, ее могущества, которое могло бы попасть в властолюбивые руки и принести тогда смерть человеческой свободе и парализовать человеческую мысль.

В стране было большое количество рудников, и все они были королевской собственностью. Их обрабатывали так, как обыкновенно обрабатывают рудники дикари. В земле копают ямы и минералы высыпают в кожаные мешки руками, по одной тонне в день. В самом скором времени я поставил рудное дело на научных основаниях.

Да, я достиг уже больших успехов, когда сэр Саграмор сделал мне вызов.

Четыре года прошли незаметно. Но вы никогда не могли бы себе представить, в какой обстановке! Я пришел к заключению, что неограниченная власть идеальная вещь, если она в здравых руках. Деспотизм небес самое совершенное управление. Земной деспотизм мог бы быть безусловно совершенным земным управлением, если бы условия были такие же, т. е., если бы деспот был совершеннейшим представителем человеческой расы и мог бы жить беспредельно. Но, если смертный совершенный человек должен умереть и оставить власть в руках несовершенного наследника, тогда земной деспотизм является не только плохой формой правления, но наихудшей из всех возможных. Таково, но крайней мере, мнение каждого истого республиканца.

Моя деятельность показала, что может сделать деспот, распоряжаясь средствами государства.

Темная страна и не подозревала, что у нее под носом плывет на всех парусах цивилизация девятнадцатого века! Она была вне общественного зрения, но она существовала, как факт великий и неоспоримый – и об ней я еще услышал бы, если бы я жил и имел удачу. Это было похоже на затихший вулкан, невинно стоящий и поднимающий к ясному небу свою бездымную вершину и не обнаруживающий ни малейшего признака того ада, который клочечет в его недрах. Мои школы и церкви были в зачаточном состоянии четыре года назад, теперь они были в полном расцвете; мои лавочки превратились в обширные промышленные и торговые фирмы.

Там, где прежде у меня работали десятки человек, теперь были заняты тысячи, вместо одного опытного блестящего работника я имел пятьдесят. Я держал руку на курке, если так

можно выразиться, и был готов каждую минуту взвести его и озарить ночную тьму ярким светом.

Но я не хотел делать такого крутого поворота. Это было бы не политично. Народ мог бы не выстоять, а, кроме того, господствующая римско-католическая церковь каждую минуту могла бы свалиться мне на плечи.

Нет, я был осмотрителен все время. Повсюду были рассеяны у меня доверенные, на обязанности которых входило подрывать незаметным образом рыцарство и разные другие предрассудки. Таким образом я приготавливал мало-помалу лучший порядок вещей. Я неуклонно продолжал освещать темноту своим фонарем просвещения.

Основанные мною тайным образом школы шли превосходно. Но одной из моих глубочайших тайн была военная академия, которую я особенно ревниво оберегал от постороннего глаза так же, как и морскую академию, устроенную в одном из отдаленных морских портов. Та и другая были моей гордостью.

Кларенс, которому было уж двадцать два года, был моим главным помощником, моей правой рукой. Он был очень способный, и за что бы он ни взялся, все удавалось ему. Впоследствии я думал приурочить его к газетной работе. А потребность в газете уже назревала, и скоро я надеялся начать ее издание, и Кларенс был бы первым ее сотрудником. У него уже вырабатывался стиль, причем замечалась курьезная особенность: он говорил слогом шестого столетия, а писал слогом девятнадцатого.

Но в настоящее время мы были поглощены первыми опытами с устройством телеграфа и телефона. Пока не пришло время обнаружить мое изобретение, я пользовался им только для себя. Целые взводы людей работали по ночам на дорогах. Они проводили проволоки по земле, так как воздвигание столбов по дорогам могло обратить на себя слишком много вни-

мания. Такие проволоки действовали удовлетворительно, так как были изолированы особым составом моего изобретения. Людям было дано распоряжение избегать больших проезжих дорог и людных городов, где могла быть замечена их работа. Никто в государстве не мог определить местонахождения какого-нибудь селения или города. Все странствовали, случайно попадали куда-нибудь и уезжали, не осведомляясь о названии местности. Время от времени мы начали устраивать топографические исследования, чтобы составить карту страны. Но это было замечено священниками и возбудило их беспокойство. Пришлось прекратить, чтоб не заводить распри с церковью.

Страна не подозревала, что у нее под носом цивилизация.

Что касается общих условий, в которых находилась страна, то они остались совершенно те же, что были во время моего прибытия сюда. Я делал некоторые перемены, но они оставались в пренебрежении и были почти незаметны. Так, я даже не вмешивался во взимание налогов, за исключением тех, которые составляли доход государства. Это я привел в порядок и в систему на более действительных и справедливых основаниях. В результате доходы государства учетверились, а тяжесть взимания распространилась более равномерно, так что страна почувствовала облегчение, и я отовсюду слышал сердечные похвалы своему управлению.

Теперь я думал, что могу спокойно на некоторое время сделать перерыв в моей личной деятельности. Все было налажено и находилось в верных руках. А король уже не раз напоминал мне, что назначенный мною срок-четыре года истекает. Это был намек на то, что я должен отправиться в поиски за приключениями и добывать славу, чтобы быть достойным чести сломать копье с сэром Саграмором. Последний все еще не вернулся из крестового похода, но несколько экспедиций его разыскивали и, вероятно, гайдут в этом году. Я был подготовлен к перерыву, и потому он не был для меня сюрпризом.

Х. Янки в поисках за приключениями

Ни в одной стране, вероятно, не было столько бродячих болтунов обоего пола, как здесь. Не проходило месяца без появления такого бродяги. И всегда они были нагружены всякого рода сказками о разных принцессах или других подобных существах, нуждающихся в помощи или защите. Их требовалось освобождать из каких-то неведомых замков, где они томились в плену у каких-нибудь негодяев, большею частью великанов. Вы, конечно, подумаете, что король, выслушав все эти рассказы странника или странницы, требовал первым делом верительные грамоты, что ли, или какие-нибудь точные указания места, где находится замок, более короткой дороги к нему и т. п. Ничуть не бывало, никому даже и в голову не приходило таких простых и обыкновенных вещей. Наоборот, все целиком поглощали эту ложь, не наводя никаких справок. Так вот, однажды, когда я был дома, пришла одна из таких странниц и рассказала сказку обычного содержания. Ее госпожа, изволите видеть, была в плену в обширном мрачном замке в компании сорока четырех других прекрасных юных дев, из которых она была наипрекраснейшей. Все они томились в этом жестоком плену уже двадцать шесть лет.

Господами замка были три брата великана, у каждого было четыре руки и один глаз посреди лба, величиною с какой-то плод. Какой плод, неизвестно, такова всегда точность статистики подобных рассказов. Могли бы вы этому поверить? Король и весь Круглый Стол были в восхищении от великолепного случая для погони за приключениями. Каждый рыцарь Стола жаждал получить это поручение и просил о нем. Но к их досаде и огорчению король доверил его мне, который и не думал просить о нем.

С некоторым усилием сдержал я выражения радости, когда Кларенс принес мне известие. Но он совершенно не владел собой. Из его уст изливались потоки восторженных восклицаний и благодарностей королю, который осчастливил меня таким блестящим доказательством своего милостивого отношения. Он буквально не мог сдерживать ни рук, ни ног, которыми все время выделял самые отчаянные пируэты.

Что касается меня, то, конечно, я проклинал источник излившегося на меня благодеяния, но должен был скрыть свою досаду под маской вежливого удовольствия. Я делал даже все, что мог, чтобы показать, что я рад, даже сказал, что рад. Может быть, в некотором отношении это и была правда: я был рад, как человек, которому выпотрошили внутренности.

Но терять время на бесплодные сожаления было не в моих правилах, нужно было браться за дело. В каждой лжи можно было найти зерно пшеницы среди плевел. Нужно было поискать его и здесь. Я послал за странницей. Пришла довольно интересная девушка, по-видимому, скромная и славная, но в своих показаниях она была, по всей вероятности, так же правдива, как любые дамские часы.

– Послушайте, моя милая, – сказал я, – вас допрашивал кто-нибудь частным образом? Она ответила отрицательно.

– Хорошо, я так и думал, но все-таки спросил, чтобы убедиться. Такая уж у меня манера. Теперь вы не сердитесь и позвольте мне спросить вас кое о чем. Я ведь вас совсем не знаю, но надеюсь, что вы будете вполне правдивы. Вы понимаете, что это для меня необходимо. Не бойтесь ничего и отвечайте на мои вопросы прямо и правдиво. Где ваша родина?

– В земле Модер, прекрасный сэр.

– Земля Модер. Что-то не припоминаю такого названия. Живы ли ваши родители?

– Не знаю, живы ли они, потому что много лет уже прошло с тех пор, как я была взята в замок.

– Ваше имя!

– Я зовусь девица Александра Картелюаз, сэр.

- Нет ли здесь кого-нибудь, кто мог бы удостоверить вашу личность?
- Вероятно, никого, прекрасный сэр, потому что я здесь в первый раз.
- Нет ли у вас каких-нибудь писем или документов, которые бы служили доказательством того, что вам можно верить?
- Право нет, и откуда я могла их взять? И зачем они мне? Разве у меня нет языка, и я не могу все сказать сама?
- Но вы скажете одно; а кто-нибудь другой скажет иное.
- Иное? Как же это может быть? Не понимаю...
- Не понимаете? О, страна! Почему же... Вы видите... вы видите... Но, Боже мой, как же вы не понимаете таких простых вещей? Неужели же вы не понимаете, что может быть разница между вашим... Но почему у вас такой невинный и бессмысленный вид?
- У меня? Право не знаю, сэр, но, вероятно, так Богу угодно.
- Да, да, вероятно оно так и есть. Не думайте, пожалуйста, что я раздражен, нет, я не раздражен. Переменим разговор. Теперь вот относительно замка, в котором сидят сорок пять принцесс под присмотром трех чудовищ... Скажите, пожалуйста, где же находится этот гарем?
- Гарем?
- Замок, замок! Вы понимаете. Где же этот замок?
- О, это очень большой, крепкий и красивый замок и находится он в далекой стране. Да, много миль отсюда.
- Но сколько же все-таки?
- Ах, прекрасный сэр, это очень трудно сказать. Дорога беспрестанно сворачивает в сторону и верстовых столбов так много, и все они одинаковые и одинакового цвета, так, что сосчитать их совершенно невозможно. Может быть, Господь Бог мог бы это сделать, а человек не в силах. Ты только подумай, прекрасный сэр...
- Продолжайте, продолжайте, ну не знаете расстояния, может быть, скажете, в какой местности находится замок, по какому направлению отсюда?
- Ах, милостивый сэр, отсюда нет направления. Уверяю вас, дорога нейдет прямо, она все время поворачивает. Нельзя определить направление дороги, потому, что она идет то под одним небом, то под другим. Вы думаете, что пошли на восход солнца, а очутитесь на закате его. И так идет дорога все поворотами и все время кружит, и вы едете и снова возвращаетесь на то же место, и опять едете, едете, и кружите, и ворочаетесь назад, и это чудо повторяется несколько раз. И нужно оставить надежды на свой разум и положиться на волю Божию. И, если Богу угодно, Он приведет вас, куда нужно, а против Его воли ничего не будет...
- О, прекрасно, прекрасно! Отдохните немножко! Никто не знает направления, нельзя спрашивать о направлении. Ну его к черту! Простите меня, пожалуйста, я не совсем здоров сегодня. Я иногда разговариваю сам с собой, старая и скверная привычка. Все это от несварения желудка. И вполне понятно, когда питаешься так, как питались люди за тысячу триста лет до твоего рождения! Прекрасная страна! Человек не может прыгать, как весенний цыпленок, когда ему тысяча триста лет! Но продолжайте... Не обращайтесь на меня внимания... Посмотрим... Может быть, у вас есть что-нибудь вроде карты той местности? Если бы хорошая карта...
- Это, должно быть, та штука, которую недавно привезли неверные из-за далеких морей, и которую надо кипятить в масле и прибавить туда луковицу и соли...
- Как, к карте? О чем вы говорите? Разве вы не знаете, что такое карта? Нет, нет, не объясняйте пожалуйста! Я ненавижу объяснения. Они в конце концов еще больше затуманивают понятия, так, что не знаешь, о чем говоришь. Ступайте, дорогая моя. Доброй ночи. Кларенс, проводите ее.

О, теперь мне совершенно понятно, почему эти ослы никогда не расспрашивали о подробностях у этих обманщиков. Весьма возможно, что эта девушка была себе на уме, но вы не выжали бы из нее ничего даже при помощи гидравлического пресса. И ничто не могло бы тут помочь, кроме разве динамита. Она была, вероятно, порядочная мошенница, а король и его рыцари слушали ее, как будто она была листком из евангелия. И подумайте о простоте нравов при этом дворе: эти бродяги приходили во дворец так же просто, как в наше время такие люди приходят в дома для бедных. Все радовались ее приходу, с удовольствием слушали ее рассказы. Она давала предлог для искания приключений, и потому была для них такой же желанной гостьей, как труп для коронера.²

Как раз к концу моих размышлений вернулся Кларенс. Я сообщил ему о безрезультатности своих переговоров с девушкой и о том, что никак не мог узнать, где находится замок. Юноша выразил что-то вроде не то недоумения, не то удивления и спросил, зачем мне понадобилось расспрашивать странницу.

– Боже ты мой! воскликнул я. Да ведь должен же я знать, где находится замок, как же иначе я могу попасть к нему?

– Очень просто, она поедет с тобой. Так всегда делается. Она поедет вместе с тобой на лошади.

– Вместе со мной на лошади? Нелепость!

– Но уверяю тебя, что так будет. Ты сам увидишь.

– Что? Она поедет со мной по лесам и горам... со мной вдвоем... И я, как жених? Но это же скандал! Подумайте, что это будет!

Милое женское лицо вдруг встало передо мной. Мальчик стал допытываться об ее имени. Заклиная его держать в тайне, я шепнул ему на ухо: «Пусс Фтанагем». Он с отчаянием взглянул на меня и сказал, что не знает такой графини.

Как естественно было со стороны маленького придворного снабдить ее сейчас же титулом. Потом он спросил, где она живет.

– В Ист Гар... Я пришел в себя и остановился, несколько сконфуженный, затем сказал:

– Не будем больше говорить об этом. Когда-нибудь, в другое время, я все скажу.

А может ли он видеть ее? Покажу ли я ее ему когда-нибудь?

Пустая штука обещать, но как исполнить... Тысяча триста лет! А он так любопытен?

Я вздохнул. Хотя какой смысл был вздыхать о той, что должна была родиться через тысячу триста лет?

Но так уже мы сотворены, что не рассуждаем, когда чувствуем, а только чувствуем.

Об моей экспедиции говорили день и ночь, и молодежь была очень добра ко мне, позабыв свою досаду и разочарование. Они так беспокоились о том, найду ли я чудовищ и освобожу ли несчастных престарелых девиц, как будто все это предстояло сделать им самим. Да, они были добрые дети, но именно дети. Они без конца давали мне указания о том, как разыскать великанов и как их уничтожить. Они сообщали мне всякие заклинания против колдовства, снабжали меня всяческими мазями и втираниями для излечения ран. И никому из них не пришло в голову, что такой удивительный чародей, каким был я, не должен нуждаться ни в целительных мазях, ни в заклинаниях против колдовства. Никто не подумал, что мне не должны быть страшны никакие чудовища, и что я мог бы без всякого оружия идти хоть на дракона, изрыгающего пламя.

Я должен был встать на рассвете и позавтракать раньше-таков был обычай. Я чертовски провозился с одеванием вооружения, потому замедлил. Одевание и вооружение рыцаря, отправляющегося в поход, чрезвычайно сложно. Прежде всего вы обертываете вокруг тела в два раза одеяло, получается нечто в роде подушек, защищающих от холодного прикоснове-

² Так называют в Англии следователя, производящего дознание о скоропостижно умерших.

ния железа. Затем вы надеваете рукава и сорочку или кольчугу, сделанную из мелких стальных колец, сотканых вместе. Эта ткань настолько гибка, что, если вы сбросите вашу кольчугу на пол, она вся соберется в кучу, подобно рыбацкой сети. Несмотря на это, кольчуга очень тяжела и является самым неудобным материалом на свете для ночной сорочки, потому, может быть, она и употреблялась преимущественно сборщиками податей и реформаторами или королями с одной лошадей и сомнительным титулом, и разным тому подобным народом. После кольчуги вы надеваете башмаки-плоские сапоги, покрытые сверху стальными полосками, затем ввинчиваете в пятки неуклюжие шпоры. Затем вы надеваете ножные латы на ноги и на бедра, закрываете спину и грудь стальным нагрудником и чувствуете себя во всем этом стиснутым. Но это еще не все. К нагруднику вы прицепляете полуюбку из находящихся одна на другую стальных полос, раскрывающуюся сзади, чтобы можно было сидеть. Последнее приспособление совершенно так же непригодно ни для ношения, ни для вытирания рук, как какая-нибудь перевернутая корзина из-под углей и так же, как она, не красива. После всего этого вы перевешиваете меч через плечо, надеваете печные трубы на руки, вместе с железными перчатками, железную крышоловку на голову, со стальной тряпкой, которая висит сзади на шее-и, наконец, вы готовы, как свеча, влитая в форму. Положение, во всяком случае не располагающее к танцам. Человек, запакованный таким образом, подобен ореху, который не стоит раскалывать, потому что ядро слишком ничтожно в сравнении с оболочкой.

Если бы молодежь не помогала мне, я никогда, кажется, не был бы в состоянии кончить свой туалет. Когда я был готов, вошел слуга Бедивер, и я увидел, что выбрал себе костюм, мало подходящий для далекого путешествия. Каким высоким, статным и величественным он выглядел! На голове у него была надета коническая стальная каска, доходящая только до ушей, а вместо забрала была узкая полоса стали, доходящая до верхней губы и защищающая нос. И весь он был от шеи до пяток в гибкой стальной кольчуге, обтягивающей его тело, как сорочка и панталоны. Такая же кольчуга висела от плеч до лодыжек, закрывая всю его фигуру и раздвояясь только посередине, чтобы дать возможность сидеть на лошади. Он отправлялся к Святому Гробу, и его вооружение и одеяние вполне соответствовали далекому и продолжительному путешествию. Я дорого бы дал за такую одежду, но было уже поздно поправлять результаты своей глупости.

Солнце уже взошло, король и весь двор собрались чтобы видеть меня, правила этикета не позволяли медлить дальше. Сесть на лошадь самому было, конечно, невозможно; если бы вы и сделали попытку, то тотчас же разочаровались бы. Меня подняли, как человека, пораженного солнечным ударом, посадили на лошадь, выпрямили и вставили ноги в стремяна. И все время я чувствовал себя так же странно, как должен чувствовать человек, которого внезапно женили, или которого оглушило молнией, или с которым случилось что-нибудь в этом роде. Я не был в состоянии ни повернуться, ни владеть членами, точно оцепенелый и окаменелый. В руку мне всунули мачту или то, что они называют копьем, продев его в отверстие у левой ноги; на шею мне повесили щит, и таким образом я был приготовлен к тому, чтобы сняться с якоря. Все были очень добры ко мне, а одна девица высокого звания дала мне собственный кубок на прощанье. Теперь мне только оставалось обнять рукой странницу, которую посадили сзади меня на седло.

Итак мы отправились. Все кричали нам прощальные приветствия, махали платками или шлемами. Когда мы спускались вниз по холму и ехали деревней все, попадающиеся на встречу, почтительно кланялись нам. Только оборванные мальчишки за околицей встретили нас громким хохотом, комками грязи и насмешливыми восклицаниями.

— Смотри, какие уроды! Чучелы! — кричали они.

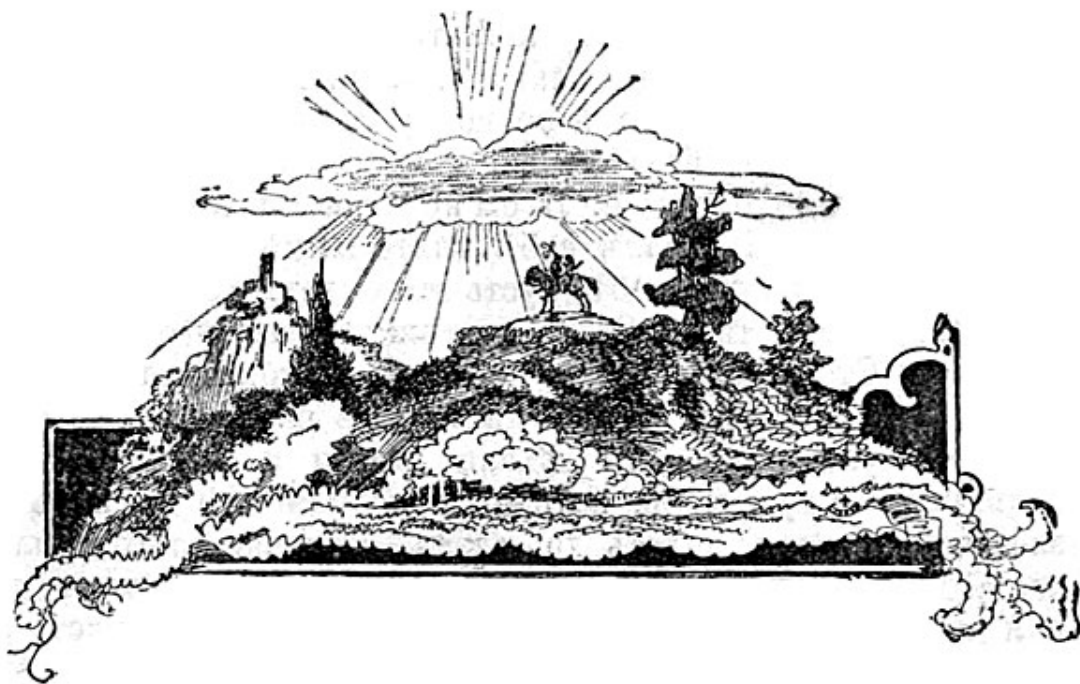
Я по опыту знаю, что мальчишки везде и во все времена были одинаковы. Они ни к кому не чувствуют почтения и никого и ничего не боятся. Они кричали — «проходи, проходи!» пророку седой старины, который смиренно шел своей дорогой, они дразнили меня, исполня-

ющего священную миссию средних веков, совершенно также поступали они и во времена Бухенанского управления. Последнее я особенно хорошо помню, потому что был среди них и помогал им. У пророка были медведи, которых он пустил на мальчишек, а мне нужно было самому слезать с лошади, чтобы сражаться с ними, но я не решился на это, потому что без посторонней помощи не влез бы опять на лошадь. Плохо жить в стране, где не существует машин для поднятия тяжестей.

XI. Медленная пытка

Вольно, легко дышится за городом. Было так хорошо среди лесной глуши это свежее утро ранней осени. С вершин холмов мы видели прекрасные зеленые долины, сбегающие вниз, с струящимися по ним ручейками, с группами деревьев там и сям или с громадными одинокими дубами, широко раскинувшими свои ветви и набрасывающими всюду темные пятна тени. А спускаясь в долины, мы смотрели на ряды холмов на горизонте, с вершинами, исчезающими в голубом тумане. Время от времени вдаль мелькали белые или серые волнистые очертания зубчатых стен замков. Мы пересекали широкие просеки, блестящие от росы, бесшумно скользя, как тени, по мягким подушкам торфяной почвы. В сладкой дремоте проезжали мы, окруженные сказочным зеленым сиянием солнечных лучей, проникающих сквозь густую листву деревьев, а у ног наших играли и резвились чистые, холодные струи ручейков, прыгающих по мелким камням и убаюкивающих нас нежной гармоничной музыкой. А порой свет оставался позади нас, и мы погружались в торжественный и таинственный мрак вековых лесов. Где-то пели невидимые птицы, стучал дятел об ствол, жужжали насекомые, а над головой сплетались густые ветви, не пропускаая ни луча солнца. Тайна окружала нас, пока вдаль не начинали показываться проблески света.

Три или четыре раза переходили мы таким образом от мрака к свету. Прошло уже около двух часов по восходе солнца, и утренняя прохлада сменялась удушливой жарой. Был один очень длинный промежуток, который мы проехали под палящими лучами солнца. Любопытно, как мелкие раздражения постепенно растут и делаются все более и более назойливыми после того, как на них обратили внимание. Обстоятельство, на которое я совершенно не обратил внимания вначале, вдруг стало теперь ощутительным и неприятным. Первые десять или пятнадцать минут я чувствовал, что мне нужен носовой платок, но не обратил на это внимания и не позаботился достать его. Я ехал себе дальше и говорил себе, что об этом не стоит думать. Но теперь я особенно ясно почувствовал необходимость платка, наконец, я потерял терпение и просто-напросто выругался.

— Черт бы побрал того человека, который выдумал платье без кармана!

Мой платок, видите ли, был у меня в шлеме вместе с другими вещами. Но шлем был так остроумно устроен, что без посторонней помощи не было возможности снять его. Мне не пришло этого в голову, когда я надевал его, да я и не знал об этом. Я предполагал, что где-нибудь должны быть особые приспособления для таких необходимых вещей. А теперь потребность платка делалась все настоятельнее и, вероятно, именно потому, что не было возможности достать его. Всем, вероятно, известно, что вещь, которую не можешь иметь, становится наиболее нужной. Мои мысли все время вертелись вокруг платка, который был в шлеме, воображение рисовало себе этот платок, а липкий соленый пот катился со лба в глаза и по всему лицу. На бумаге все это кажется такой безделицей, а между тем, я испытывал настоящее бедствие. Я бы не говорил так, если бы этого не было. Я давал себе клятвы иметь на будущее время ридикюль при себе, пусть это будет смешно, пусть говорят, что хотят. Без сомнения, железные болваны Круглого Стола сочтут это позором и поднимут целый гвалт, но мне все равно, дайте мне сначала удобства, а потом уж стиль. Мы ехали рысью и по временам поднимали сухую пыль, которая попадала мне в нос и заставляла меня чихать до слез. Конечно, я говорил то, что не должен был говорить, не отрицаю, но ведь и я тоже человек. Кажется, мы никого не могли встретить в этих глухих местах, даже чудовищ. А в таком настроении, в каком я был, не дурно было бы встретить чудовище, особенно с носовым платком. Большинство рыцарей, конечно, постарались бы прежде всего отнять у него оружие, а я бы отобрал мануфактурный товар, а железный и медный пускай остается при нем.

Между тем, становилось все жарче и жарче, и солнце нагревало сталь немилосердно. Когда жарко, всякая безделица раздражает. Когда я ехал рысью, то звенел и бряцал, как корзина с посудой, и мне это страшно надоело, а как только я хотел остановиться, щит хлопал меня по груди или по спине. Если я пробовал ехать шагом, все мое вооружение скрипело и визжало, как несмазанные колеса. И при всем этом ни малейшего ветерка, так что мне казалось, что меня все время кипятят в печке. Чем спокойнее и тише шла лошадь, тем тяжелее оседало железо, и вес его, казалось, увеличивался с каждой минутой. Кроме того, приходилось беспрестанно перекладывать пику с одной стороны на другую, иначе уставала и рука, и нога.

Когда вы все время обливаетесь таким образом потом, у вас, в конце концов, начинается... начинается зуд. Чешется внутри, а руки снаружи, а кругом тела железо, попробуйте-ка почесать! Сначала вы чувствуете зуд в одном месте, потом в другом, потом зараз в нескольких, потом он перескакивает с места на место и, наконец, начинает чесаться все тело, и вы решительно не знаете, что с собой делать. И как нарочно, когда мне было совсем уж невтерпеж, муха забралась под забрало, уселась на нос и стала кусать его. Я мог только трясти головой, которая и без того уж горела, как в огне. А муха... кто же и не знает, до чего может довести муха! Она переползала с носа на губы, с губ на уши, жужжала и кусала. Наконец, я вышел из терпения и попросил Ализанду снять с меня шлем и прогнать муху. Она сняла шлем, вынула из него все содержимое и затем наполнила его свежей холодной водой. Я с наслаждением напился воды, а остатки она вылила мне за вооружение. Трудно представить себе, какое облегчение я почувствовал сразу. Она поливала меня до тех пор, пока я не смок и не пришел в благодушное настроение.

Хорошо было теперь предаться мирному отдыху. Но на земле нет полного блаженства. Несколько времени назад я сделал себе трубку и приготовил табак, не настоящий, но такой, какой употребляют индейцы: внутренняя часть высушенной коры ивы. Все это у меня было в шлеме, но не было спичек.

С течением времени прибавилось еще одно докучное обстоятельство-мы должны были остановиться из-за погоды. Вооруженный рыцарь новичок не может слезть с лошади без посторонней помощи. Сэнди была недостаточно сильна, чтобы снять меня, пришлось ждать какого-нибудь прохожего. Молчаливое ожидание было бы для меня довольно приятно,

потому что материала для размышлений у меня было достаточно. Мне нужно было обдумать, каким образом разумные или даже полумразумные люди могли додуматься до ношения такой, более чем неудобной, одежды. И как могла такая одежда носиться несколькими поколениями, когда было очевидно, что, если я страдал в ней один день, то рыцари должны были страдать всю жизнь изо дня в день. Вот я и хотел серьезно обдумать вопрос о том, каким путем реформировать нелепый обычай и убедить людей в непригодности и даже вреде такого вооружения и такой одежды. Вопрос требовал очень серьезного и продолжительного размышления. Но извольте размышлять, когда рядом с вами сидит Сэнди. Она очень милое и добродушное создание, но может говорить безостановочно, как пущенная в ход мельница, так что голова ваша начинает трещать, как от непрерывного грохота колес ломовых телег и вагонов в городе. Если бы можно было заткнуть ей рот пробкой, было бы очень хорошо, но, к сожалению, это невозможно – она могла бы умереть. Ее трещотка не умолкала весь день, и можно было думать, что она испортится, наконец, от такой работы, но ничуть не бывало-она действовала, не ослабевая, ее машина могла молотить, накачивать, сбивать, жужжать неделями, не требуя ни смазки, ни продувания. Но в результате ничего не было, кроме ветра. У нее, конечно, не было никакой мысли в голове, даже самой туманной. Она трещала, звенела и болтала, как настоящая пустозвонка. Еще утром я не знал, что она такая мельница, вероятно потому что у меня было много своих волнений, и я не обращал на нее внимания. Но после полудня я несколько раз должен был остановить ее.

– Послушайте, дитя мое, – говорил я, – сделайте передышку. Вы все время расходуете местный воздух, сотрясая его, и, в конце концов, государству придется озаботиться доставкой сюда нового запаса, а у казны и без того много расходов.

XII. Свободные люди

Удивительно, как мало хорошего времени достается на долю человека. Еще так недавно, измученный жарой и тяжелым вооружением, как наслаждался я отдыхом в прелестном тенистом уголке, слушая журчание чистого холодного ручья. И как хорошо мне было, когда я утолял жажду прекрасной свежей водой, или когда струи ее освежали мое утомленное и разгоряченное тело. А теперь уж я снова чувствовал себя неудовлетворенным отчасти потому, что я хотел курить и не мог закурить трубку (хотя я давно уже устроил спичечную фабрику, но не взял с собой спички) – отчасти от того, что был голоден. Здесь опять сказались детская беспечность этого века и этих людей. Вооруженный человек всегда может рассчитывать добыть себе пропитание и был бы скандализован даже мыслью о том, чтобы привесить к седлу корзинку с сэндвичами на дорогу. Конечно не нашлось бы ни одного рыцаря из всего состава Круглого Стола, который не согласился бы скорее умереть, чем покрыть себя таким позором. А, между тем, что могло быть разумнее этого. У меня было намерение спрятать пару сэндвичей в шлем, но я был пойман на месте преступления и должен был еще извиниться. Сэндвичи я отложил в сторону, и их села собака.

Приближалась ночь, и вместе с ней гроза. Темнота увеличилась. Конечно, пришлось остановиться. Я усадил под защиту одной скалы девицу, а сам расположился под другой. Но я не мог снять своего вооружения и также не мог обратиться за помощью к Ализанде, потому что считал неприличным раздеваться при ней. Хотя на самом деле это было бы не так, потому что у меня была одежда под вооружением, но предрассудки, привитые воспитанием, не легко оставить. Я знаю, что чувствовал бы смущение уже при одном снятии своей короткой юбки.

После грозы изменилась погода: дул ветер, лил дождь и становилось очень холодно. Скоро клопы, муравьи, черви и всякие букашки стали спасаться от сырости и заползать под мое вооружение, чтобы погреться. Некоторые из этих созданий держали себя довольно благонаправленно и сидели спокойно в складках моей одежды, но большинство причиняли ужасное беспокойство. Они ни секунды не оставались без движения, но все время шныряли и искали неизвестно чего. Особенно невыносимы были муравьи. Они ползали целыми процессиями по всему моему телу взад и вперед и были наименее желательными соседями во время сна. Если бы пришлось дать совет человеку, находящемуся в моем положении, то я рекомендовал бы ему не кататься по земле и не бросаться во все стороны. Такие необычные движения возбуждают любопытство всех этих мелких животных, и тогда они уже все начинают выползать, чтобы посмотреть, что случилось. Положение становится совершенно невыносимым, и приходится жестоко каяться в своей неосторожности. Однако если оставаться совершенно спокойным, то можно умереть. Следовательно, оба способа одинаково хороши и выбирать не из чего. Когда же я достаточно промерз, то стал признавать некоторого рода заслуги за этими насекомыми: они действовали на тело подобно электрическим токам. Во всяком случае, я сказал себе, что после этого путешествия никогда не надену такого вооружения.

И во все эти часы испытания, когда я то промерзал до костей, то горел, как в огне, один неотвязный вопрос вертелся в моей усталой голове. Как люди могли носить такое ужасное вооружение? Как могло продержаться оно у нескольких поколений? Как могли люди спать ночь, зная о предстоящих мучениях следующего дня?

Когда, наконец, пришло утро, я был в самом отвратительном состоянии. – Я был измучен бессонницей, утомлен бесплодными попытками заснуть, все мои члены ныли и болели, я хотел есть, хотел взять ванну, чтобы прогнать несносных насекомых и, ко всему этому, страдал приступами ревматизма. А как чувствовала себя высокородная, благородная и титулованная аристократка девица Ализанда ла-Картелуаз? Она была свежа, как белка, спала

всю ночь, как убитая, что же касается ванны, то вероятно ни она и никто другой из благородных жителей этой страны не имели об ней понятия, потому и не нуждались в ней. С точки зрения наших современников эти люди были немного культурнее самых обыкновенных дикарей. Благородная леди не проявляла даже ни малейшего желания позавтракать-это тоже признак дикости. Британцы того времени привыкли голодать во время путешествий, но только предварительно они наедались на несколько дней, как это делают индейцы. То же самое, вероятно, сделала и Сэнди.

Мы отправились в путь до восхода солнца, причем Сэнди ехала, а я ковылял сзади. Через полчаса мы встретили целую толпу несчастных оборванных людей, которые пришли сюда чинить то, что называлось дорогой. Они униженно, как рабы, приветствовали нас. А когда я предложил позавтракать с ними, они были так польщены и так ошеломлены моим снисхождением, что долго не верили в серьезность моих слов. Моя леди презрительно сжала губы и смотрела в сторону. А когда она услышала мои переговоры относительно завтрака, то сказала, что могла бы поесть и с другими скотами.

Замечание это смутило несчастных оборванцев только потому, что относилось к ним, но не потому, чтобы они были обижены или оскорблены им. А между тем они вовсе не были рабами, по иронии закона и названия они были свободные люди. Семь десятых свободного населения страны принадлежали к их классу и званию. Это были мелкие «независимые» фермеры, ремесленники и т. д., составляющие, в сущности говоря, нацию денствующую, приносящую пользу и достойную уважения. Вычеркнуть их, значило вычеркнуть нацию и оставить ненужный сброд, в виде ленивых бездельников, занимающихся в большинстве случаев опустошением и разрушением и не представляющих никакой действительной ценности в жизни.

И вот, по какой-то остроумной идее, это позолоченное меньшинство вместо того, чтобы быть в хвосте процессии, к которой оно принадлежит, шествовало с поднятой головой и с развевающимися знаменами, в другом конце ее.

Даже разговор этого кроткого смиренного народа звучит как-то странно для американского уха. Будучи свободными, они не могут оставить своих владений без разрешения своего лорда или епископа. Они не могут изготовлять свой собственный хлеб, а должны молоть свое зерно на мельнице лорда или епископа, печь хлеб в их пекарнях и, конечно, за все это платить деньги. Они не могут продать клочка собственной земли, не заплатив

приличного процента с полученной суммы, и также не могут купить клочка, не вспомнив о кассе епископа или лорда. Они должны даром жать их рожь во всякое время, оставляя свою осыпаться или гибнуть от непогоды. Они позволяют им сажать фруктовые деревья на своих полях и затем переносят неприятности, если неосторожные сборщики фруктов разбрасывают плоды вокруг деревьев. Сами же они должны заглушать свой гнев, когда их господа во время охоты галопом скачут через поля, безжалостно вытаптывая все результаты долгого и упорного труда. Они не имеют права держать голубей и должны терпеливо сносить, когда стаи птиц с господских голубятен налетают на их хлеб и уничтожают его. Из страха жестокого наказания они не смеют убить птицу, принадлежащую господину. Когда, наконец, жатва собрана, появляется целый ряд хищников для сбора дани: впереди всех церковь запускает свои длинные руки за своей десятиной, затем комиссионер короля берет свою двадцатую, затем люди господина захватывают изрядную часть из оставшегося. И только после всех этих господ обобранный свободный человек может свободно ссыпать в житницу остатки, если о них еще стоит беспокоиться. И затем налоги, налоги и без конца...

Так вот такие-то свободные люди собрались здесь рано утром, чтобы чинить дорогу их господина епископа, конечно, даром. Глава каждой семьи, и сын каждой семьи обязаны три дня даром работать, на господ и один день на их слуг. То же самое читал я когда-то о Франции и французах, так было и у них до вечно памятной революции.

Я хотел бы что-нибудь сделать для этой несчастной страны. Но, чтобы произвести перемену в системе управления, нужно начать с «лояльнейших граждан». Я, видите ли, считаю более важной лояльность по отношению к стране, чем по отношению к ее учреждениям и представителям власти в ней. Страна это нечто реальное, это сущность и сущность вечная, ее нужно беречь и по отношению к ней нужно быть лояльным. Учреждения же это внешность, это только одежда, и как одежда, они могут изнашиваться, рваться, они перестают быть удобными, перестают защищать от холода, болезни, смерти. Быть лояльным по отношению к обветшалым тряпкам, восхищаться ими, благоговеть перед ними, умирать за них, это неправильно понятая лояльность, лояльность животного.

Коннектикутская конституция провозглашает, «что политическое могущество и власть присущи народу, что свободное управление держится на его авторитете и существует для его благосостояния, и что он имеет во все времена неоспоримое и непрерываемое право изменять формы правления, так как он считает себе более подходящим».

Согласно таким заветам гражданин, видящий, что политическая одежда общественного благосостояния обветшала и не требующий новой, не лоялен, он изменник.

И то, что он, может быть, один видит этот упадок, не может служить ему извинением. Его обязанность открывать глаза другим, а обязанность других не голосовать за него, если не видят пользы от него.

А здесь я был в стране, где право говорить о том, как страна должна управляться, принадлежало шести лицам на каждую тысячу населения. Но мысль-выразить от лица девяти-сот девяносто четырех человек недовольство существующей системой правления и желание изменить ее, привела бы в содрогание всех шестерых, как одного человека. Они сочли бы это не лояльностью, бесчестием и черной изменой.

Все равно, как если бы я сделался акционером какого-нибудь предприятия, где девять-сот девяносто четыре члена доставляют все деньги и делают все дела, а шестеро избрали себя на вечное управление и захватили все дивиденды. Мне казалось бы, что девять-сот девяносто четыре болвана нуждаются в другом распределении. Если бы на мой характер, так я поднял бы возмущение и старался бы устроить революцию. Но с другой стороны, я знаю историю Джека Кэда или Ват-Тайлора, которые попробовали такую штуку, не подготовив материал до настоящего вида, и должны были отступить. Что касается меня, то я не привык

отступать. Образ действия, который я наметил себе в голове, очень отличался от образца Кэд-Тайлора.

Я не говорил о кровавых возмущениях и революции с этим обманутым и униженным человеческим стадом. Я отвел одного старика, показавшегося мне умнее других, в сторону и говорил с ним о делах совсем иного рода. Кончив, я попросил его одолжить мне немного чернил из его жил и, с помощью их и сучка, нацарапал на куске коры следующее:

«Поместите его в мужскую колонию».

– Снесите это, – сказал я, давая ему записку, во дворец в Камелоте и отдайте лично Амиасу ле-Пуле, которого я называю Кларенсом. Он поймет, в чем дело.

– Он патер? – с некоторым возбуждением спросил человек.

– Как-патер? Разве я вам не говорил, что никаких патеров, никаких церковных служителей или епископских рабов я не принимаю в свои колонии? Разве вы не помните, что и вас я посылаю туда только под тем условием, что ваша религия останется при вас, как ваша собственность, и никто ее касаться не будет?

– Ну тогда я очень рад. А то мне очень не понравилось, как я подумал, что и там есть патеры.

– Но я говорю вам, что он не патер.

На лице человека выразилось полное удовлетворение.

– А как же он умеет читать, если он не патер? – спросил он.

– Он не патер, но умеет и читать и писать. Я выучил его этому. И вас прежде всего научат читать и писать в школе.

Лицо человека окончательно просияло.

– И меня? Я отдал бы каплю крови из сердца, чтобы только научиться этому искусству. Я буду вашим рабом, вашим...

– Нет, нет, вы не будете ничьим рабом. Забирайте вашу семью и отправляйтесь. Ваш господин епископ конфискует, конечно, все ваши крохи, но ничего – Кларенс устроит вас.

XIII. «Защищайся, лорд!»

Я заплатил три пенни за свой завтрак, плата очень высокая, так как за нее могли бы позавтракать двенадцать человек. Но я чувствовал себя в это время хорошо, потому мог позволить себе быть расточительным. Эти люди охотно поделились бы со мной своей скудной провизией даже даром. Их искренняя и горячая благодарность заставила меня подумать о том, насколько более у места были деньги в их руках, чем в моем шлеме. Тем более, что эти пенни были сделаны из железа и весили немало, а мне в настоящее время каждый полудоллар казался тяжелым. Правда, я вообще слишком свободно тратил деньги в то время. Это зависело от того, что даже после долгого пребывания в Британи, я не мог примениться к разнице в деньгах. Я долго не мог привыкнуть к тому, что пенни в стране Артура был равен паре долларов в Коннектикуте; они были близнецы, если так можно выразиться, в достижении могущества. Если бы я мог уезжать надолго из Камелота, я платил бы пароду прекрасными новыми монетами нашего собственного монетного двора и это было бы приятно как для меня, так и для них. Я принял бы исключительно американскую валюту. В какие-нибудь две недели центы, никели, десятицентовики, чотверти, полудоллары, а также и золотые монетки, потекли бы тонкой, но непрерывной струей по всем коммерческим жилам государства, и я уже видел, как эта новая кровь освежает его организм.

Фермеры хотели непременно дать мне что-нибудь еще за мою плату, которая казалась им такой щедрой. Я с удовольствием принял кремень и огниво. И, как только они усадили меня и Сэнди в седло, я закурил трубку. Но, едва показались первые струйки дыма из-под моего шлема, как все люди бросились в лес, а Сэнди с глухим воем соскочила на землю. Они конечно вообразили, что я дракон, изрыгающий пламя, о котором они так много слышали от рыцарей и других профессиональных лгунов. Много стоило мне труда убедить их вернуться назад и держаться хотя на почтительном расстоянии от меня. Потом я объяснил им, что это только небольшое колдовство, которое страшно исключительно для врагов. Положив руку на сердце, я обещал им, что каждый, кто не чувствует против меня зла, может безопасно подойти ко мне, и что смерть поразит оставшихся вдали за недоверие. Процессия проследовала мимо меня с немалой торжественностью. Не было причины для составления протокола, так как никто не остался позади из любопытства посмотреть, что будет.

После этого мне пришлось еще немало потратить времени, чтобы удовлетворить интерес людей, когда прошел их страх. Только после двух выкуренных трубок я мог снова ехать дальше. Но время не было потеряно зря, так как Сэнди должна была проникнуться насквозь новым впечатлением, до которых она была охотница, как вам известно. ее говорильная мельница на некоторое время приостановилась, и я отдохнул. Вдобавок ко всем благополучиям, в моих руках оказалось еще новое средство. Теперь я был готов к встрече со всеми великанами и чудовищами на свете.

Мы переночевали следующую ночь в келье отшельника, и только к следующему полудню явился, наконец, мое приключение. Мы переезжали через большой луг, и я погрузился в размышления, ничего не слыша и не видя. Вдруг Сэнди внезапно прервала криком свое повествование, которое она начала еще утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.